
ДАНИЭЛЬ ЛИ
Кадет Чёрного Рифа
ИЛИ НЕВЕСТА В БЕГАХ

Даниэль Ли

Кадет Чёрного Рифа или Невеста в бегах

https://litres.ru/74982754

Аннотация

Сбежать от навязанного брака в самую страшную военную крепость королевства? Сделано. Пройти жестокий отбор наравне с наемниками? Сделано. Раскрыть перед всем строем, что под видом парня-новобранца скрывается беглая дочь графа? Сделано. Теперь назад пути нет. Впереди меня ждут кровавые битвы, за спиной не отстает погоня от собственной семьи, а над душой стоят два правителя Цитадели: один прячет за ледяной маской желание защитить, второй испытывает на прочность и замечает каждую слабость. Оба привыкли повелевать драконами и армиями, но выдрессировать меня не выйдет.

В конце концов, русские попаданки не сдаются!

Содержание

АКТ I. НАЧАЛО. Пролог.	4
Глава первая.	8
Глава вторая.	22
Глава третья.	33
Глава четвёртая.	46
Глава пятая	55
Визуал	63
Глава шестая.	72
Глава седьмая.	85
Глава восьмая.	98
Глава девятая	107
Глава десятая.	118
АКТ II. СТАНОВЛЕНИЕ. Глава одиннадцатая.	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

АКТ I. НАЧАЛО. Пролог.

Сумерки уже плотно окутали пологие склоны. Небо оставалось чистым, и горизонт просматривался на мили вперед. Спуск с холмов занял куда больше времени, чем я рассчитывала, и теперь я всерьез рисковала не добраться до цели засветло.

Впрочем, впереди уже отчетливо темнели зубчатые очертания крепости. На высоких сторожевых башнях один за другим вспыхивали сигнальные огни. А дальше, за циклопической каменной кладкой, насколько хватало глаз, раскинулось огромное штормовое море.

Я поежилась. Вроде бы стояло лето, но здесь, на северном побережье, явственно хозяйничал холодный пронизывающий ветер. Привычным движением я накинула капюшон и поправила чёрный платок, заменяющий мне маску.

Сегодня нужно дойти. Как бы тяжело ни было, но еще одну ночь под открытым небом переживать не хотелось. Да и нормально поесть перед сном уже там, в крепости, совсем не помешало бы.

Цитадель «Чёрный Риф» была моей конечной целью, к которой я упорно шла почти две недели. Северный оплот королевства Валория и единственная преграда между мирными землями страны и глубинным Разломом, откуда регулярно лезла всякая дрянь.

Вёл ли этот тектонический шрам в другое измерение или твари зарождались прямо в кипящих недрах местной планеты, я была без понятия. Знала только одно: у этих порождений Бездны в голове пульсировала ровно одна программа — сожрать всё, что шевелится. Как у классических зомби.

Возможно, у их вылазок и имелся какой-то скрытый замысел, но мне об этом не было известно. Я провела в этом мире слишком мало времени, чтобы досконально разбираться в подобных тонкостях.

Дорога до цитадели отняла еще добрых три часа, так что к кованым воротам я подошла уже в полной темноте. Впрочем, плевать. Главное, цель достигнута.

Может, я и выбрала самый сложный путь из всех возможных. Может, проще было смириться с судьбой и сделать то, что уготовила семья... Не моя семья, а родственники девчонки, в чьем теле я очнулась. Но к черту всё. С какой стати я должна жить по их указке?

Слева от ворот высился массивный гонг, а рядом с ним стоял внушительный тяжелый молот. Насколько я помнила из книг, эта громадина называлась Гонгом Претендента.

Один удар по нему запускал необратимую цепочку событий. С этой секунды человек становился кандидатом: без имени, без титула, без родословной. Просто новобранец, который пришел учиться военному ремеслу и защищать северный рубеж.

Новобранцу давался шанс пройти испытания, по итогам

которых тебя либо с позором выставляли за ворота, либо зачисляли в ряды кадетов.

Цитадель «Чёрный Риф» была не просто крепостью, а элитной Военной Академией. Здесь курсанты не протирали штаны за теорией, а постигали военное ремесло прямо в эпицентре боевых действий. Из этих стен выходили лучшие офицеры, знаменитые стратеги и высшие армейские чины королевства.

Но в первую очередь Чёрный Риф оставался боевым гарнизоном. Здесь несли постоянную службу кадровые военные, опытные ветераны рубежа, чьей главной задачей было любой ценой держать береговую черту и не пустить тварей Бездны дальше, в мирные земли.

Но главное крылось в другом. Если тебя зачисляли в кадеты, ты автоматически освобождался от любой родительской опеки, сословных обязательств, протекций и договоров, в том числе и брачных. С момента присяги никто в целом мире не имел права влиять на тебя, только сама Корона.

«Давай, Дашка, соберись, ты сможешь. Это куда лучше, чем лечь под шестидесятилетнего жирного старикана и терпеть его омерзительные слюни».

Я подошла к стойке и взялась за рукоять. Молот оказался чудовищно тяжелым. Похоже, это и был негласный нулевой этап: поднял — молодец, добро пожаловать; надорвался — пошел вон, какой из тебя борец с тварями.

Может, сказалась бешеная злость, может, глухое отчая-

ние, а может, то самое упрямство русской души, которое не вытравить никакой сменой миров, но я сумела замахнуться.

Один-единственный удар.

Тяжелая рукоять тут же выскользнула из онемевших ладоней, и молот со стуком рухнул в гравий. Пальцы мелко тряслись. Как ни крути, а это тело было еще слишком слабым. Двух недель дороги и скудных разминок явно не хватило, чтобы наверстать годы комнатной жизни.

Но этого единственного удара оказалось достаточно.

Густой, вибрирующий медный гул разорвал ночную тишину и покатился над скалами к самому морю. Внутри привратного механизма с сухим металлическим лязгом сработал засов, и тяжелая кованая створка приоткрылась. Ровно настолько, чтобы в щель мог протиснуться один человек.

Всё. Жребий брошен.

С этой секунды я, тридцатилетняя Дарья Васильева, запертая в теле восемнадцатилетней Дарианны Бельмонт, официально стала Безымянным Кандидатом. Свое имя нужно будет назвать только если меня примут. Если нет, то никому не интересно как меня зовут.

Я перевела дух, поправила катану за плечами и шагнула в темный проем ворот.

Посмотрим, куда меня всё это заведет.

Глава первая.

Створка ворот с глухим щелчком встала на место, и засов за спиной сработал мягко, почти бесшумно, похоже, механизмы здесь смазывали на совесть.

Внутренний двор крепости поражал масштабом и выверенным армейским порядком. Под ногами лежали идеально подогнанные плиты из темного полированного базальта со специальными насечками против скольжения. Вдоль широких пешеходных аллей и каменных галерей ровно мерцали кристаллы в матовых плафонах, заливая плац холодным белым светом.

У крытого поста дежурного стоял рослый боец в безупречно подогнанном черном мундире с серебряным шитьем по вороту. Он лениво оторвался от толстого журнала в кожаном переплете и смерил меня цепким взглядом. Я в своем запыленном дорожном плаще и с платком, закрывающим нижнюю часть лица, выглядела чужеродно на фоне этой строгой геометрии.

— Еще один полуночник, — ровным тоном произнес он, окинув меня взглядом сверху вниз. — И какой-то совсем щупленький. Ветром не снесет, парень? И как только молот поднял...

Я лишь коротко мотнула головой и кашлянула в платок, пряча голос. Чем дольше меня принимают за тощего маль-

чишку, тем проще будет не привлекать лишнего внимания.

Дежурный пожал широкими плечами и сделал пометку пером:

— Испытания завтра. Сегодня на довольствие и отдых. Прямо по центральной аллее увидишь двухэтажное крыло со светлыми окнами, это курсантская столовая. Слева от нее сектор временного размещения кандидатов. Заходишь на первый этаж, занимаешь любую пустую койку. Без шума и без нарушений дисциплины, за любую попытку устроить потасовку караул отправит за ворота в ту же минуту. Понятно? Подъем ровно в семь по сигналу горна. Завтрак, затем общий сбор на плацу. Всё, свободен.

Я молча кивнула и поспешила дальше.

В столовой дисциплина чувствовалась не меньше. Просторный высокий зал с арочными сводами освещался мягким сиянием магических сфер, вмонтированных прямо в потолочную лепнину. За длинными рядами столов из темного полированного дерева сидели курсанты, все в одинаковой строгой черной форме, подтянутые, с идеальной военной выправкой. Разговоры велись вполголоса, слышался только мерный стук приборов.

На раздаче меня ждал полноценный армейский рацион элитного пограничного гарнизона, на который Корона явно не жалела золота: исходящий паром кусок запеченного мяса с пряным густым соусом, рассыпчатая каша, свежий пшеничный хлеб и большая кружка горячего бодрящего отвара

с легким привкусом горных трав.

Это радовало. От военного учреждения в мире, который еще был чертовски далек от привычной мне земной современности, я подсознательно ждала какого-нибудь баландового серого пойла и черствых сухарей. Но здесь о бойцах явно заботились.

Я забрала поднос, быстро ушла за свободный дальний стол, села спиной ко всем, стянула платок и без лишних церемоний съела все до последней крошки. Горячая еда мгновенно разогнала накопившийся в костях холод.

Казарма для кандидатов приятно удивила: высокие белые своды, прохладный свежий воздух благодаря продуманной системе вентиляции и ровные ряды прочных деревянных кроватей с плотными шерстяными одеялами и добротными, упругими матрасами. Большинство претендентов уже спали, кто-то просто лежал, уставившись в потолок и думая о своем, а один неторопливо правил лезвие короткого ножа оселком. Всего было занято пять кроватей. Значит, на завтрашних испытаниях нас будет шестеро.

Парень с ножом мазнул по мне взглядом и коротко кивнул, но лезть с разговорами не стал, здесь каждый держался особняком.

Найдя пустую койку в самом углу у стены, я убрала свой дорожный узел в прикроватную тумбу, стянула только тяжелые сапоги и легла, натянув одеяло до самого подбородка и не снимая повязки с лица.

Матрас мягко принял натруженное тело. Мышцы наконец расслабились, хотя связки всё еще тихо гудели от двухнедельного форсированного перехода.

Я уставилась в ровный светлый потолок, вслушиваясь в размеренное дыхание спящих в казарме. Сон не шел. И только сейчас, оказавшись в тепле и безопасности, я позволила себе мысленно вернуться назад...

В той жизни меня звали Дарья Васильева. Мне было тридцать лет, я жила в Новосибирске и работала в одном из лучших фитнес-клубов города.

Работа персональным тренером не то чтобы вызывала дикий восторг, но приносила стабильные деньги. В отличие от моего настоящего призвания и дела всей жизни. Я была мастером спорта по кэндо и всерьез практиковала иайдо, искусство мгновенного удара катаной. Владение длинным японским клинком не пользовалось бешеной популярностью у широкой публики, аудитория у нас всегда оставалась узкой и специфической. Кроме этого, я увлекалась кобудо, практиковала работу с длинным шестом и парными клинками, но каких-то серьезных спортивных регалий в этом направлении у меня не было. Скорее держала это как полезную базу для расширения кругозора и чувства дистанции.

В силу возраста и старых травм на крупные соревнования я уже не заявлялась, зато с удовольствием вела тренировки в школе восточных единоборств. Вот только романтика фехтования на мечах ипотеку и коммуналку не оплачивала, по-

этому приходилось совмещать любимый зал с бесконечным потоком клиентов в коммерческом фитнесе.

И вот теперь вся эта наработанная годами база оставалась моим главным козырем в чужом мире. Не знаю, бонус ли это от мироздания или именно мое увлечение клинками стало катализатором перемещения, но только благодаря вбитым в подкорку рефлексам я сейчас находилась здесь, под защитой неприступных стен цитадели, а не в чужой спальне.

Не то чтобы я не любила постель. В прошлой жизни секс нередко служил отличной эмоциональной разрядкой после тяжелых смен, да и сейчас от хорошего любовника я бы не отказалась. Но точно не с оплывшим жирным стариком на сорок два года старше этой девчонки, и уж тем более не в нынешнем моем теле.

Оно еще было девственным, чёрт бы его побрал. А в здешнем аристократическом обществе репутация стоила слишком дорого. Чтобы выжить, выбить себе нормальное место под солнцем и не прослыть падшей девкой, приходилось жестко держать любые порывы под контролем.

Сейчас меня звали Дарианна Бельмонт. Восемнадцать лет, хрупкое телосложение и громкая фамилия древнего столичного рода.

Мой новоиспеченный родитель, граф Роланд Бельмонт, был аристократом до мозга костей: вращался в высших кругах, легко входил в любые двери во дворце и ходил в фаворитах у короля. Образцовый вельможа на публике, а на деле

оказался обыкновенным козлом и паршивым отцом.

Впрочем, чего еще ждать от дома, где ты чужая с рождения. Дарианна родилась бастардом. Граф официально признал дочь, а его законная супруга, леди Элеонора, перед столичным обществом безупречно держала марку заботливой матери. На людях семейство Бельмонт выглядело образцовой картинкой: благородство, улыбки, фамильная честь.

У девочки было всё, что положено дворянке: просторные покои, лучшие модистки, дорогие учителя этикета и музыки. Не хватало только нормального человеческого тепла. За закрытыми дверями особняка Дарианна годами оставалась невидимкой, напоминанием о давней измене графа, чье присутствие в доме просто терпели.

В такой обстановке она и выросла: тихой, покорной, вечно испуганной, вздрагивающей от любого резкого окрика. Идеальный удобный ребенок.

Глупой она при этом не была. Рано поняла свое шаткое положение и изо всех сил старалась не давать поводов для недовольства. Прилежно учила родословные, часами сидела за сложной вышивкой, послушно играла на лютне и делала всё, чего требовали от благовоспитанной аристократки.

Просто надеялась заслужить хоть немного признания там, где ее изначально никто не собирался любить.

Относительное затишье кончилось в тот день, когда граф решил выдать дочь замуж.

За красивым фасадом богатой жизни, балами и фамиль-

ным золотом скрывалось банальное, стремительное банкротство. Роланд Бельмонт промотался, увяз в долгах, и главным кредитором семьи оказался соседский граф Морвуд. В уплату просроченных векселей благородный ростовщик потребовал не земли или рудники. Ему нужна была дочь Бельмонта.

Морвуд совсем недавно овдовел, и в свои шестьдесят лет ему внезапно захотелось свежей юной крови.

— Ты не можешь отдать ему Розалинду! — визжала матушка, задыхаясь от ярости. — Ей только двадцать исполнилось! Она блистает на балах, за ней сам сын герцога ухаживает, ты в своем уме?!

— Элеонора, у нас нет выхода! — глухо отбивался граф. — Морвуд пустит нас по миру. Можешь навсегда забыть о балах и приемах, если он предъявит векселя!

— Идиот! — шипела графиня, переходя на ядовитый шепот. — У тебя есть еще одна дочь! Вот и отдавай ее! Все равно сидит бесполезной курицей, от нее в этом доме никакого проку. Хоть так семье поможет.

Вот так на семейном совете и решили, что под венец пойдет Дарианна.

Подумаешь, девчонке едва исполнилось восемнадцать. Ничего страшного, дело житейское. Граф Морвуд опытный, мужчина в самом расцвете сил, всему молодую жену научит сам. Главное, что векселя будут сожжены, а репутация семьи останется безупречной.

Но, как я уже говорила, дурой Дарианна не была. Она пре-

красно понимала, что ничего хорошего в постели шестидесятилетнего старика ее не ждет. Жизнь на правах купленной бессловесной игрушки казалась ей хуже смерти, поэтому девчонка рискнула.

Дважды она предпринимала попытку сбежать. И дважды ее ловили.

После первой неудачи ее на целые сутки заперли в темном, промозглом подвале фамильного особняка, чтобы остудить пыл. Не помогло. Когда ее поймали во второй раз, граф церемониться уже не стал: Дарианна получила пять ударов розгами. Назидательно, больно и унизительно, чтобы напрочь отбить охоту бунтовать. Шрамы от розог до сих пор оставались на теперь уже моем теле, бледные, но отчетливые, и вряд ли сойдут до конца.

Целителя звать, естественно, не стали: много чести для взбунтовавшейся девки. А сама залечить себя Дарианна не могла: магии ее никто не учил. Женщинам благородного сословия позволяли осваивать разве что мелкие бытовые плетения, вроде подогрева чая или очистки подола от пыли, чтобы не позорить род перед слугами. Боевые или целительские плетения считались исключительной привилегией мужчин.

После экзекуции Дарианна поняла, что живой из этой золоченой клетки ей не выбраться. Но вместо того чтобы смириться, девочка пошла на крайние меры. В старых запретных книгах из отцовской библиотеки она раскопала древний темный ритуал обмена душами. Не имея сил бороться сама,

она просто призвала ту, кто сможет выстоять вместо нее.

Я до сих пор отчетливо помнила тот странный, тягучий сон: прозрачная, словно сотканная из пепла фигурка девочки с заплаканными глазами. «Проживи эту жизнь вместо меня, — тихо прошептала она, глядя мне прямо в глаза. — Я больше не могу. А ты сможешь, ты сильная. А взамен я обещаю, что очень буду стараться прожить за тебя ту, твою жизнь».

В следующий миг я распахнула глаза в чужой запертой комнате на шелковых простынях, чувствуя, как саднит исполосованная розгами спина.

— Ах ты малолетняя сука! — прошипела я сквозь зубы в темноту комнаты, едва сдерживая рвущийся наружу мат. — Проживет она мою жизнь! Да что это такое вообще?!

Она будет стараться! Она, видите ли, пообещала! Да она же в Новосибирске в первый же день потеряется! Не говоря уже о том, что надо платить коммуналку, закрывать кредитку, вести по шесть персоналок в день и объяснять мужикам под сотню кило, почему нельзя заваливать колени внутрь на приседе! Эта комнатная фиалка с ее лютнями и вышивкой там просто с ума сойдет от одного вида машин и звука домофона!

Откуда я знала, что она комнатная фиалка? Да просто сознание получило полную память тела. Не знаю, как она это провернула, но некоторое время я не могла открыть глаза от дикой боли в висках. Картинки прошлого девчонки мель-

кали перед внутренним взором сплошной чередой: уроки этикета, грамота, тихие слезы в подушку, шелест шелковых юбок, бесконечные пяльцы с иголками и ледяные взгляды «заботливой» родни. В этой голове не было ни капли практического опыта выживания, только страх и образцовая покорность.

Свое попаданство я приняла довольно быстро. Глупо было отрицать очевидное, а на рефлексию не было времени. Язык и письмо так же ощущались как родные. Два дня ушло на то, чтобы прийти в себя, переварить чужую память и трезво оценить расклад. Умирать или безропотно идти под венец со старым боровом ради чужих долгов я не собиралась. Раз уж эта девчонка отдала мне свою жизнь, я собиралась распорядиться ею с умом. Но и повторять ее ошибок не стала. Первые два побега Дарианны были чистой воды детской истерикой. Наугад, без денег, через садовую калитку. Закономерный финал: подвал и розги.

Здесь требовался холодный расчет взрослого человека и четкая цель.

Две недели ушли на то, чтобы хоть как-то обжиться в новом теле и не спалиться на первой же мелочи.

Я прилежно строила из себя сломленную жертву: прятала глаза перед родными и прислугой, вздрагивала при виде мачехи и безропотно глотала горькие травяные отвары. Пусть думают, что порка выбила из строптивой девки последнюю дурь и она смиренно ждет своей участи в спальне графа Мо-

рвуда.

А сама я тем временем лихорадочно готовила почву для рывка.

Как только спина немного зажила, я стала пробираться в графскую библиотеку. Рылась в шкафах, пока в доме все спали, выискивая подробные карты королевства, схемы трактов и любые описания земель. Зубрила названия постоялых дворов, развилок и постов стражи. Параллельно по крупицам собирала вещи для побега: припрятала в тайнике крепкие мужские сапоги на два размера больше, простые штаны и холщовую рубаху, стянутые из сушильни у слуг.

Бежать вслепую я не собиралась. На этот раз план был выверен до мелочей.

И, конечно же, тренировалась. За плотно запертыми дверьми спальни, с ковром, приглушающим шаги, я каждый день методично истязала это немощное тело.

Душе спортсменки и тренера в такой дохлой оболочке было не просто тесно, а физически тошно. Мышцы напоминали разваренную вермишель, дыхалка сбивалась от двадцати банальных приседаний, связки были не разработаны, а баланс отсутствовал напрочь. Это была типичная комнатная барышня, чей максимум активности сводился к чинному дефиле по парку с зонтиком от солнца.

Но на чистом упрямстве я заставляла себя пахать. Статика, планки, мягкая растяжка, упражнения на выносливость с собственным весом. Всё строго дозировано, чтобы не со-

рвать сердце и не вызвать подозрений синяками. Мне предстоял долгий путь, и эта тощая тушка должна была его выдержать, хотела она того или нет.

Перерыв память девчонки и графскую библиотеку, я нашла единственный железобетонный выход: Цитадель «Чёрный Риф» на северном рубеже. По древнему закону Короны, любой, кто сумеет пройти испытания гарнизона и принести присягу, переходит под личную опеку военного ведомства. Власть рода на этом заканчивалась. Любые договоры, брачные контракты, опекунство и долги аннулировались монаршим указом. Армии нужны были бойцы, а не светские разбирательства.

Это королевство словно разломали надвое.

Там, в сытой и залитой солнцем столице, шла своя, бесконечно веселая жизнь: шуршали тяжелые шелка, гремели оркестры на балах, велись пустые салонные интриги и проигрывались за карточными столами целые состояния. А здесь, на стылых северных рубежах шла кровавая бойня.

Гарнизон «Чёрного Рифа» зубами и железом держал проклятый Разлом, глотал ледяной соленый ветер и падал замертво только для того, чтобы у тех, первых, вообще была возможность танцевать и торговать собственными дочерьми. Лицемерие высшей пробы, оплаченное солдатской кровью.

В ночь побега особняк спал как убитый после какого-то очередного светского приёма графини.

Я быстро натянула заготовленное мужское тряпье, под-

хватила плотный мешок с припасами, картами и золотом из кабинета «папочки» и тенью скользнула на задний двор. Охрана у парадных ворот откровенно зевала, но туда соваться было чистым самоубийством. Поэтому, тихо выведя из графской конюшни самого выносливого на вид мерина, я повела его к дальнему краю поместья, через узкую заднюю калитку для челяди, замок на которой предусмотрительно смазала еще днем.

Не буду описывать, во что превратилась моя задница после первых же часов бешеной скачки. В прошлой жизни я на лошадь садилась пару раз забавы ради, но мышечная память этого тела сработала на удивление четко. Благородных девиц верховой езде все-таки обучали на совесть. Правда, одно дело чинно гарцевать в дамском седле по парку, и совсем другое — гнать жеребца во весь опор в жестком мужском седле, сбивая бедра и копчик в сплошной кровавый синяк. Но адреналин глушил боль лучше любого обезболивающего: на кону стояла свобода.

Милях в десяти от города, у первой глухой лесополосы, я сделала короткий привал. Действовать надо было быстро: благородную беглянку начнут искать сразу же, как только обнаружат пропажу.

Без тени жалости прихваченным ножом я срезала блондинистые косы почти под корень — неровно, по-пацански, едва до плеч. Тканью намертво, до легкого хруста на вдохе, перетянула и без того небольшую грудь. Натянула на лицо платок

вместо маски, скрывая чисто девичью белую кожу, а сверху накинула глубокий капюшон грубого дорожного плаща.

В мутной луже на меня глянула не графская дочь, а щуплый, нескладный мальчишка-подросток. То, что нужно, чтобы затеряться на трактах.

Впереди лежали две недели изматывающего пути на север, но обратной дороги у меня не было.

Шорох в казарме выдернул меня из воспоминаний. Кто-то из кандидатов тяжело вздохнул во сне и повернулся на скрипучем матрасе к стене. Сквозь узкие бойницы под потолком пробивался бледный свет сторожевых кристаллов.

Я поглубже натянула жесткое шерстяное одеяло и прикрыла глаза.

Первую часть плана я выполнила: вытащила это хилое тело из лап «любящей» родни и дотащила до крепости живым. Теперь оставалось главное — не вылететь завтра с плаца в первые же полчаса. В семь утра взвоет горн, и начнется настоящая драка за выживание.

Глаза закрылись сами собой, и я провалилась в тяжелый сон без сновидений.

Глава вторая.

Рёв сигнального горна буквально ввинтился в череп, выдирая из сна с корнем. Звук был низкий, медный, вибрирующий в самых костях, от которого внутри всё мгновенно сжалось в тугой комок. Не проснуться от него было невозможно.

Я подскочила на тюфяке прежде, чем успела сообразить, где нахожусь. Годы работы тренером приучили подскакивать в пять утра на первые персоналки, но сейчас сработал чистый инстинкт самосохранения: ноги на пол, пальцы первым делом вцепились в лицо, проверяя маску. Платок на месте, капюшон натянут. Слава богу, во сне не сполз.

Вокруг уже гремели койками остальные: парень с ножом слетел на ноги бесшумно, как кошка; рослый мужик со следами побоев на лице грязно выругался сквозь зубы; а высокий светловолосый парень с тонкими чертами лица судорожно запутался ногой в тяжелом шерстяном одеяле. Слишком уж ухоженный для этой казармы: аккуратные ногти, холеные пальцы, тонкая рубаха из дорогого сукна. Дворянчик, что ли, из беглых?

Тяжелая дубовая дверь распахнулась с коротким деревянным стуком.

На пороге возник офицер. Немолодой, жилистый, словно сплетенный из сыромятных ремней и железа. Черный китель сидел на нем как влитой, а через левую щеку, рассекая губу,

тянулся белесый ровный, глубокий след, явно оставленный не человеческим оружием, а скорее всего когтями. Взгляд его серых, выцветших глаз прошелся по шестерым кандидатам, как ледяная вода по голой коже.

— Десять минут, — голос инструктора в тишине казармы хлестнул звонче плети. — Умывальня в конце коридора. Одеться, оправиться. Затем легкий завтрак в столовой и бегом на центральный плац. Кто опоздает хотя бы на секунду, вылетит за ворота до начала испытаний. Время пошло.

Он развернулся на каблуках и исчез, даже не прикрыв за собой дверь.

Казарма взорвалась лихорадочной суетой. Времени на раскачку не было. Я рывком влезла в сапоги, на ходу затягивая ремни и проверяя, насколько надежно утянута грудь. Полотно держало мертво, дышать было тяжело, но сейчас это вопрос жизни и смерти.

В каменной умывальне вода из медных кранов оказалась ледяной, обжигающей до ломоты в зубах. Я плеснула ее в лицо, прогоняя остатки вязкого сна, быстро промокнула кожу рукавом и снова натянула платок до самых глаз. Никто из парней даже не обратил внимания на мою скрытность, каждый был занят собственной шкурой.

Завтрак «легким» инструктор назвал не из скупости, а по уму. На раздаче в столовой нас ждала добротная, горячая армейская еда, но строго отмеренная: порция густой овсяной каши с топленым маслом и вялеными ягодами, вареное яй-

цо, ломоть свежего плотного сыра и кружка терпкого, чуть горьковатого травяного отвара, от которого по жилам сразу побежало тепло. Идеальный спортивный рацион: быстрые и медленные углеводы, белок и никакой тяжести в желудке.

Я смела кашу за пару минут, тщательно пережевывая каждый кусок, чтобы пустить запасы в топку мышц, закинула яйцо с сыром и сделала ровно три глотка отвара. Только смочить горло, пить вволю перед нагрузкой было нельзя.

— И это всё? Ни куска мяса с утра пораньше? — недовольно скривился светловолосый парень, брезгливо ковыряя кашу деревянной ложкой. Руки у него мелко дрожали от утренней прохлады. Точно, барчук.

— Жри что дают, хлыщ, — не оборачиваясь, бросил тертый мужик с кривым носом, больше похожий на бывалого наемника. Он выскреб свою миску до блеска в три движения. — Набьешь брюхо мясом и на первом же круге по плацу обратно выплюнешь. Нас сюда не на пир позвали, сейчас гонять начнут до седьмого пота.

Ровно через восемь минут мы уже вывалились на плац.

Утренний северный воздух ударил по легким, обжигая холодом. Несмотря на лето, солнце над морем стояло бледным, слепящим диском, пробиваясь сквозь рваные полосы низких туч. В этом резком холодном свете Чёрный Риф казался еще более монолитным и мрачным: черный мокрый базальт, серые тени бойниц и штормовое море, ревущее у подножия скал. Ветер, дувший со стороны побережья и далекого Раз-

лома, завывал в зубцах башен, принося с собой запах соли.

Посреди плаца, заложив руки за спину, нас ждал тот самый шрамированный инструктор. Рядом с ним стояли двое караульных в полной броне, а чуть поодаль на черных плитах высилась груда серых холщовых мешков, набитых крупным скальным щебнем.

— В шеренгу, — скомандовал офицер, даже не повышая голоса.

Мы выстроились. Шестеро разномастных кандидатов против каменной громады крепости. Рядом со мной переминался здоровенный детина с ручищами кузнеца, чуть дальше — щуплый забитый паренек, дрожащий то ли от страха, то ли от холода, и этот светловолосый чистюля.

— Меня зовут сержант Васкес, — он неторопливо прошелся вдоль строя, цепляя каждого тяжелым, давящим взглядом. — И мне глубоко плевать, кто вы такие, от кого бежите, богатые или бедные, умные или тупые. Для Чёрного Рифа вы пока никто. Обуза, которой еще только предстоит доказать, что она стоит хотя бы казенной похлебки. Лишних ртов здесь не держат.

«Прямо как в американском фильме про морпехов», — промелькнула в голове ироничная мысль. Не хватало только широкополой шляпы инструктора и воплей в лицо с расстояния в два сантиметра.

Он остановился напротив светловолосого, мазнул презрительным взором по его тонким пальцам, затем перевел глаза

на меня, задержавшись на катане за плечами и щуплых плечах, но промолчал.

— Отбор простой: три этапа. Тот, кто падает, скулит или отстает — уходит вон без права повторной попытки. Нам нужны бойцы, способные стоять в обороне, когда Бездна полезет наружу. Первый этап — подъем. Вон туда.

Он резко указал рукой в кожаной перчатке вверх.

Я подняла голову, и внутри противно всё сжалось.

Из глубины двора к верхнему ярусу внешней стены вела каменная лестница. Она поднималась почти вертикально, вырубленная прямо в черной базальтовой скале, без перил, открытая всем ветрам с моря. Ступени уходили в туман на высоту добрых двадцати метров.

— Взять по мешку, — бросил Васкес, отступая на шаг. — На спину. Наверх бегом. Кто сможет подняться за указанное время, переходит на следующий этап. Там другие инструкторы скажут, что делать дальше. Кто не уложится, свободен. Ворота открыты в обратную сторону. Время пошло!

Я среагировала мгновенно. Первым делом сорвала ремень со спины и быстро, но намертво перевязала ножны на поясе слева, пустив их вдоль бедра на манер традиционного ношения. Спина и лопатки должны быть абсолютно свободны, иначе тяжелый мешок на первом же уступе сломает ножны или рукоять выбьет мне шейные позвонки.

Пальцы вцепились в грубую мешковину. Килограммов двадцать, не меньше, мокрый от утренней сырости щебень

весил как чугунный блок.

Здоровяк с ручищами кузнеца утробно взревел, играючи закинул свой тюк на одно плечо и гигантскими прыжками, перешагивая через две ступени, ломанулся вверх. Для его стокилограммовой туши двадцать килограммов щебня были ерундой, но он совершил классическую ошибку силовика: пошел в спринт там, где требовался марафон.

Наемник и парень с ножом подхватили ношу привычно и слаженно, взвалив поперек загривка. Чистюля-дворянчик грязно выругался, когда мешок едва не вывернул ему плечо, но все же заволок его на спину, сутулясь и сгибаясь пополам.

Я действовала иначе. Подсела в глубокий сед с прямой поясницей, вытолкнула тяжесть ногами и закинула мешок не на шею, пережимая трапеции и сонную артерию, а максимально высоко между лопатками. Зажала края руками у ключиц, намертво зафиксировав центр тяжести.

Первый пролет. Ноги тут же налились свинцом.

Перетянутая полотном грудь отозвалась глухой, сдавливающей болью на первом же вдохе. Воздуха критически не хватало, легкие будто распирало изнутри железным обручем. Ткань на лице мгновенно взмокла от горячего дыхания, прилипая к губам и мешая дышать.

«Дыши животом, дура. Вдох носом на два счета, резкий выдох ртом сквозь зубы. Не суетись, держи шаг», — звенел в голове профессиональный голос, выбивая панику.

Я шла не рывками, а короткими, монотонными шагами

метронома. Не на носочках, перегружая слабые икры, а четко ставя полную стопу на скользкий базальт и выталкивая тело пяткой и ягодичной мышцей. Корпус чуть вперед, взгляд строго под ноги. Считать ступени. Не смотреть наверх. Расстояние убивает боевой дух быстрее усталости.

Двадцать. Тридцать. Сорок.

Слева раздался глухой удар и истошный крик. Тот самый забитый паренек оступился на тридцатой ступени. Он рухнул на колени, мешок с грохотом покатился вниз, разрывая ткань и рассыпая щебень. Парень судорожно хватал ртом воздух, размазывая по лицу сопли и слезы, не в силах даже подняться.

— Вон со стены! — донесся снизу равнодушный рык Васкеса. — Караул, убрать хлам с лестницы!

Минус один. Не отвлекаться. Шаг, выдох. Шаг, выдох.

К середине подъема начался форменный ад. Мышцы в бедрах горели. Пульс молотил в висках набатом, глуша рев штормового моря внизу. Сердце Дарианны колотилось как бешеное, готовое пробить ребра. Это тело никогда в жизни не работало на пределе анаэробного порога, оно буквально орало: «Сдайся, упади, брось!»

«Хрен тебе, — зло стиснула я зубы под платком. — Либо стена, либо Морвуд. Пахать, тварь!»

На шестидесятой ступени темп резко сбавил здоровяк. Огромная мышечная масса сожрала весь кислород, а нести двадцатикилограммовый тюк на одном плече оказалось фа-

тальной ошибкой: правая нога приняла двойной вес, и забитые квадрицепсы встали колом. Детина встал, согнувшись в три погибели, уперся ладонями в дрожащие колени и сипел, как загнанная лошадь. Его ощутимо шатало на узком уступе.

Я обошла его по внутреннему краю. Шаг за шагом, экономя каждый миллиметр движения. Следом, тяжело хрипя, протащился дворянчик. Тот побледнел до синевы, глаза остекленели, но в нем проснулось бешеное породистое упрямство, не дававшее упасть.

— Давай, кузнец, шевели копытами! Время! — донеслось сверху со смотровой площадки.

Здоровяк попытался сделать рывок, дернулся всем телом, но перегруженную ногу тут же скрутило жестокой судорогой. Он взвыл от боли, оступился на мокром камне и с грохотом рухнул прямо на базальт, придавливая свой же мешок. Всё. Отказ мышц. Подняться он уже не смог.

Последние десять ступеней я преодолевала на чистых остатках сознания. Перед глазами плыли багровые круги, в горле стоял едкий железный привкус крови от разорванных в легких капилляров. Ноги не слушались, подгибаясь в коленях, словно тряпки.

Еще шаг. Еще.

Нога нащупала ровную широкую плиту верхней боевой площадки.

— Бросай груз! — рявкнул незнакомый голос.

Я разжала сведенные судорогой пальцы. Мешок с глухим

стуком упал на камни. Колени тут же подкосились, тело само рухнуло на одно колено, но сесть на плиты я себе не позволила. Упадешь, зальет молочкой, больше не встанешь.

Опершись рукой о холодный парапет, я заставила себя медленно выпрямиться и выровнять дыхание, жадно глотая ледяной морской воздух через платок.

Рядом шумно отплевывался парень с ножом. Жилистый, сухой, он зашел первым и выглядел потрепанным, но живым. Наемник сидел на корточках, сплевывая на плиты темную слюну. Чуть в стороне пластом лежал дворянчик, судорожно хватаясь за ребра.

Нас осталось четверо.

У парапета, сложив руки на эфесе полуторного меча, стоял второй инструктор. Лицо словно вырублено из того же черного гранита, что и стены цитадели, а на плечах форменный офицерский плащ с серебряной каймой.

— Четыре минуты тридцать секунд, — холодно произнес он, окинув нас оценивающим взглядом. — Двое внизу уже собирают вещи. А вам четверым радоваться рано. Считайте, вы просто заслужили право сдохнуть на втором этапе. Полчаса на передышку. Пейте воду из бочки, восстанавливайте дыхание. Если через тридцать минут кто-то не сможет ровно держать оружие в руках — отправится вслед за теми двумя. Время пошло.

Он развернулся и зашагал к массивной двери сторожевой башни.

Я тут же медленно опустилась на плиты, подобрав под себя ноги в правильную позу для расслабления забитых мышц. Падать плашмя, как дворянчик, было грубейшей ошибкой: сердце сейчас должно было плавно снизить ритм, а венозная кровь должна циркулировать, иначе конечности просто онемеют.

Светловолосый валялся на спине, жадно хватая ртом соленый воздух и судорожно сжимая пальцы. Наемник осел на парапет, вытянул гудящие ноги и принялся разминать икры жесткими щипками опытного походника. Парень с ножом подошел к деревянной кадке у стены, зачерпнул ковшом ледяной воды, сделал два маленьких глотка и плеснул остаток себе на затылок, шумно фыркнув.

Я дождалась, пока пульс в висках перестал бить набатом, и тоже поднялась к кадке.

Сполоснула ледяной водой горящие ладони, сделала пару скупых глотков, чтобы промочить пересохшую глотку, и отошла к зубцам стены. Морской ветер хлестал в лицо, внизу с глухим ревом разбивались о рифы свинцовые волны моря, а далеко на горизонте сгущалась мутная, противоестественная мгла над глубинным Разломом.

Двадцать минут я методично растирала бедра, восстанавливала диафрагмальное дыхание и осторожно потягивала забитые связки спины, чувствуя, как под кожей ноет оставленный розгами узор. Тело было истощено, но благодаря адреналину и спортивной закалке мышцы снова начинали слу-

шаться.

Щелкнул кованый засов башенной двери.

На смотровую площадку вышли трое: тот же невозмутимый офицер и двое солдат, волочивших тяжелые решетчатые щиты и длинные багры.

— Время, — отрезал инструктор, бросив на нас короткий оценивающий взгляд. — Встать в строй.

Четверо оставшихся нехотя, превозмогая ломоту в забитых ногах, поднялись на ноги и выстроились у парапета. Снизу, из каменной глубины внутреннего загона, эхом донесся тяжелый скрежет поднимаемых железных решеток и глухое, вибрирующее рычание.

Инструктор усмехнулся одним уголком губ, обнажая старый шрам:

— Второй этап. На выход.

Глава третья.

Офицер взмахнул рукой, указывая на узкую винтовую лестницу, ведущую вниз.

— Спуск в малый загон. Посмотрим, как вы встретите тех, ради кого этот гарнизон вообще существует. Шагом марш.

Винтовая лестница привела нас на дно глубокого каменного мешка, так называемого малого загона. Высокие отвесные стены из черного гранита, скользкий пол, засыпанный крупным песком, и мощные железные решетки по краям. Наверху, на помостах, замерли трое караульных с тяжелыми заряженными арбалетами наготове.

У входа стояла оружейная стойка: тяжелые пехотные мечи, тесаки, круглые обитые железом щиты и копья.

— Разбирайте снаряжение, — бросил с галереи инструктор. Голос его гулко разнесся по колодцу. — Правило одно: выжить и убить тварь. Кто покажет спину, заскулит или бросит оружие, тот отбор провалил. Выпускаем по одной. Первый пошел!

Наемник не раздумывая схватил массивный тесак и круглый щит. Вышел на середину арены, сплюнул под ноги и встал в низкую, устойчивую стойку бывалого рубаки.

С противоположной стороны с металлическим лязгом поднялась кованая клеть. Из темноты коридора раздался мерзкий, сухой стрекот, напоминающий треск ломающихся

костей, и на свет выметнулась тварь.

Это было уродливое порождение Бездны размером с матерого волка, но словно слепленное из смолы и гниющего мяса: обтянутый плотным иссиня-черным хитином хребет, шесть суставчатых лап с длинными кривыми когтями и узкая, лишенная глаз морда, сплошь усеянная рядами игловидных зубов. От нее несло серным смрадом и падалью.

Тварь зашипела, припала к песку и резким серповидным прыжком метнулась вперед.

Наемник даже бровью не повел. Он не пытался фехтовать красиво. В момент броска он жестко подставил ребро щита прямо в оскаленную пасть, сминая прыжок чудовища, и с коротким матерным рыком врезал тяжелым солдатским сапогом под брюхо твари. Та глухо взвизгнула, заваливаясь на бок, а наемник уже обрушил тесак обеими руками сверху вниз, методично и грязно врубая сталь в сочленение между черепом и шеей. Хрустнул панцирь, брызнула темная, вонючая жижа. Еще два рубящих удара и мертвое тело затихло в конвульсиях.

— Этап прошёл, — сухо донеслось сверху. — Следующий!

Парень с ножом подошел к стойке, но чужого железа брать не стал. Лишь поправил узкие кожаные ножны на поясе, извлекая длинный охотничий нож с широким скосом и короткий зазубренный крюк для свежевания. Его стойка была текучей, звериной, колени полусогнуты, вес распределен иде-

ально.

Вторая тварь оказалась быстрее первой. Она скользила по песку зигзагами, издавая ультразвуковой визг, от которого заломило зубы. Бросок последовал снизу, метя в пах и бедра.

Парень не стал принимать удар на себя. Он плавно, словно в танце, скользнул по кругу с траектории атаки. Короткий взмах левой руки и зазубренный крюк вошел точно в сустав задней лапы твари, срывая ее выпад, а нож в правой руке хищно вонзился снизу вверх, под нижнюю челюсть чудовища, пробивая мозг до самого затылка. Тварь рухнула замертво по инерции, даже не успев коснуться его лохмотьев. Чистая, хладнокровная работа охотника на хищников.

— Этап прошёл. Третий, на середину! — скомандовал офицер.

Настал черед светловолосого парня. Тот нервно сглотнул, лицо его пошло серыми пятнами. Он проигнорировал надежные топоры и щиты и схватил длинный колющий полуторник, пытаясь встать в изящную академическую стойку столичной фехтовальной школы. Кончик клинка мелко дрожал в его холеных пальцах.

Решетка взметнулась. Третья тварь вылетела с утробным клокотанием.

Парень сделал шаг вперед и попытался выполнить классический колющий выпад. Но сталь лишь со скрежетом скользнула по прочному лобному щитку твари, не причинив ей вреда. Разъяренное порождение Бездны сбило меч когтистой

лапой и всем весом навалилось на дворянчика, щелкнув челюстями в паре дюймов от его горла.

Шпага вылетела из рук. Вся спесь слетела с него в ту же секунду.

— А-а-а! Помогите! Уберите ее! — сорвался он на тонкий, поросячий визг, кубарем покатившись по окровавленному песку и закрывая лицо руками.

Глухо щелкнул арбалет с верхнего яруса. Тяжелый стальной болт вошел точно в ухо твари, пригвоздив ее череп к камням. Дворянчик валялся на полу, судорожно всхлипывая и пачкая дорогую суконную куртку в вонючей жиже.

— Трус, — с ледяным презрением бросил инструктор с помоста. — Этап не прошёл. Вышвырнуть его за ворота Цитадели. Пусть бежит обратно к мамочке.

Двое караульных молча спустились, подхватили обмякшего, трясущегося аристократа под руки и поволокли к выходу.

— Последний! — гаркнул инструктор, вперив взгляд в меня. — Выбирай оружие.

Я шагнула на арену. К стойке с казенными тесаками и щитами даже не прикоснулась.

Спокойно, без лишней суеты опустила левую ладонь на ножны у бедра, слегка подавая их вперед и придерживая большим пальцем за цубу. Правая рука легла на знакомую плетеную рукоять.

Этот клинок достался мне чистой волей случая. В первом

же городке на тракте пришлось избавиться от графского мерина: породистый верховой конь слишком бросался в глаза и мог в любой момент навести ищеек на след. В местной оружейной лавке я и наткнулась на это чудо. Меч висел в самом дальнем пыльном углу, никому не нужный: здешние вояки не признавали странную тонкую сталь с непривычным изгибом и отсутствием массивной крестовины. Кузнец с радостью согласился обменять его на выносливого графского скакуна, рассказав, что клинок оставил проезжий чужеземец из далеких восточных земель, отдал в залог за постой и починку доспеха, да так и сгинул где-то. Для местных это была бесполезная диковинка, а для меня — возвращение к жизни.

Сухой, тихий щелчок хабаки и катана мягко покинула ножны. Блеснула бритвенно-острая полоса безупречно слоистой стали. Оружие, с которым я провела полжизни на татами в прошлой реальности, снова лежало в руке как влитое.

Наверху на галерее офицер удивленно прищурился, разглядывая необычный меч, но ничего не сказал.

Поднялась последняя решетка.

Четвертая тварь была крупнее остальных, с оторванной когда-то и криво сросшейся передней лапой, вся в старых шрамах, матерый пограничный падальщик. Она не стала сразу бросаться. Низко припав к песку, чудовище медленно поползло по кругу, пробуя воздух раздвоенным черным языком и скаля ряды игл.

Я не дергалась. Встала в базовую стойку тюдан-но камаэ:

острие направлено точно в переносицу твари, колени мягкие, дыхание ровное, диафрагмальное. Вес смещен на подушечки стоп.

В лобовом столкновении это хрупкое тело переломит пополам. Парировать тяжелый удар я не смогу, тут же выбьет суставы. Оставалось единственное, что не зависело от мышечной массы: идеальный тайминг и чувство дистанции.

Тварь сорвалась с места без замаха, распластавшись в воздухе для смертоносного прыжка на горло.

Время словно растянулось в вязкую смолу.

Я не пятилась назад. В самый последний момент, когда вонь из пасти ударила в лицо, я сделала короткий, взрывной шаг вправо и вперед — классическое смещение с линии атаки. Корпус пропустил клацающие челюсти буквально в сантиметре от плеча.

И в эту же долю секунды, на инерции чужого движения, катана взметнулась в диагональном рассекающем ударе кеса-гири.

Не грубая рубка, а чистое протягивание лезвия от основания к кончику. Бритвенно-острая сталь без сопротивления рассекла незащищенное сочленение шеи под хитиновым воротником.

Я развернулась на пятке, плавно выходя из траектории.

Обезглавленная туша с глухим шлепком рухнула на землю, пропахав по песку добрых два метра, и затихла в луже черной дымящейся крови.

Я опустила клинок, коротко стряхнула каплю жижи с кончика и одним четким движением вернула катану в ножны.

В загоне повисла абсолютная тишина, нарушаемая только ревом морского ветра наверху.

Инструктор на помосте медленно оперся руками о перила, не отрывая от меня тяжелого, ошарашенного взгляда:

— Этап пройден. Похоже, ты действительно знаешь, с какого конца держаться за эту кривую железку, парень.

Он повернулся к караульным:

— Подготовить малый ринг. Осталось трое. Переходим к третьему этапу.

***

Малый ринг располагался в нижнем ярусе сторожевой башни.

Выбитый в полу круг шагов в десять поперечником, очерченный толстой смоленой цепью, намертво вбитой скобами прямо в черные плиты. Стены сложены из грубого стылого камня. Свет давали тяжелые фонари из мутного стекла в стенных нишах. В воздухе стоял тяжелый дух казарменного подвала: сырость, едкий деготь и прогорклое оружейное сало, которым натирали железо от морской ржавчины.

Офицер жестом велел сложить оружие на деревянный топчан у входа.

— Тварей вы резать умеете, это хорошо, — заговорил он, расстегивая тяжелую пряжку плаща и бросая его на скамью. — Но в общей свалке клинок часто выбивают из рук. Если

потерял меч и оцепенел — ты покойник.

Он остался в плотной шерстяной безрукавке и грубых кожаных штанах. Сухой, жилистый, с тяжелыми узловатыми кулаками ветерана, не раз сходившегося врукопашную.

— Проверка простая: кулачный бой. Вы стоите против меня. Одолеть меня не требую, пока силенок не хватит. Задача простая: продержаться полторы минуты и не вылететь за цепь. Упал — встаешь до счета «три». Заскулил, закрыл лицо, повернулся спиной — свободен.

Он шагнул внутрь круга, потер ладони и кивнул наемнику:

— Начнем с тебя, громила. Заходи.

Наемник ухмыльнулся, мазнул рукавом по носу и перешагнул через цепь. Церемониться он явно не собирался. Набычился, втянул голову в плечи и попер напролом всей своей тяжелой массой, замахиваясь кулаком от самого уха, словно в пьяной кабацкой свалке.

Офицер даже с места не сдвинулся. Чуть качнулся вбок, жестко встретил летящую руку выставленным предплечьем и тут же, не давая громиле опомниться, коротко сунул снизу под дых. А следом впечатал основание ладони прямо в переносицу.

Хрустнул ломаный хрящ. Здоровяка повело, в заплывших глазах на миг промелькнула дикая растерянность. Взревев от боли, он попытался схватить инструктора в охапку, смять весом, но офицер мгновенно ушел ниже, всадил ему колено

в живот и точным, коротким щелчком в челюсть намертво опрокинул на каменный пол.

Мужик с глухим стуком шлепнулся на плиты, пустил кровавую пену и уставился пустым, остекленевшим взглядом в темные своды.

— Раз... два... три, — негромко отсчитал офицер, даже не сбив дыхания. Наемник так и не пошевелился. — Мутный взгляд, дурная голова. Такой от первого же оглушения ляжет и перекроет проход остальным. Убрать за ворота.

Двое караульных молча подхватили детину за сапоги и поволокли к выходу.

— Следующий.

Парень с ножом вошел в круг мягко, пружиня на полусогнутых ногах. Он не лез вперед, держался у цепи, кружил и пытался сбивать офицеру равновесие тычками носков сапог по голеням и коленям. Инструктор принял пару неприятных ударов, помрачнел, резко сократил расстояние и поймал увертливого бойца тяжелым ударом под ребра. Парень рухнул на одно колено, со свистом глотнул воздух, но вскочил на ноги на счет «два», мгновенно разорвав дистанцию и выставив предплечья перед лицом.

— Время! — крикнул караульный у песочной склянки.

— Годен, — бросил офицер, поправляя пояс. — В угол.

Затем его серые холодные глаза уперлись в меня.

— Твой черед, малой. Заходи.

Я сделала короткий вдох через нос, расправляя диафраг-

му, и перешагнула цепь.

Разница в весе была убийственной: под девяносто килограммов литых жил и тяжелых костей против хрупкого женского тела Дарианны, вымотанного неделями бегов и намертво перетянутого полотном. Прими я хотя бы один прямой удар, ребра просто вдавятся внутрь. Никакой силы. Никаких лобовых столкновений.

Здесь спасет только старое доброе дзюдзюцу: чистая биомеханика, рычаги и чужая инерция.

Кулаки сжимать я даже не думала, о чугунную челюсть этого вояки тонкие кости пальцев Дарианны разлетятся в щепки. Бить только основанием ладони, гасить удары скользящими сбивами и заставлять его проваливаться на собственном разгоне.

Я встала в полуоборот, занизила центр тяжести и подняла раскрытые ладони перед собой. Локти жестко прикрыли плавающие ребра, корпус ушел с прямой линии.

Офицер прищурился, глядя на раскрытые пальцы:

— И где только таких кривляк берут... Ну, держи.

Он шагнул вперед тяжелым, давящим шагом и выбросил резкий прямой удар кулаком в голову, с намерением снести меня с ног одним махом.

Блокировать бессмысленно, руку только себе сломаю. За долю мгновения до соприкосновения я качнула плечи в сторону, пропуская кулак у виска, мягко скользнула ладонью по его запястью, уводя удар мимо, и основанием второй ладони,

вкладывая весь вес короткого шага, снизу вверх толкнула его в нижнюю челюсть.

Голову инструктора запрокинуло назад. Он отшатнулся на полшага, моргнул, явно не ожидая от щуплого паренька такой хлесткости, и лицо его потемнело от злости.

Следующая атака пошла вязко и плотно: удар сбоку, подсечка по опорной ноге, попытка оттеснить меня к ограждению. Я кружила по краю круга, гася удары по касательной и убирая корпус с линии атаки.

Но каменный круг был слишком тесен. Лопатками я наткнулась на натянутую смоленую цепь. Отступать дальше некуда.

Офицер пошел вперед тараном, вкладывая все тело в сокрушительный удар в живот.

Вместо того чтобы пятиться, я резко просела на ногах под его бьющее плечо. Шагнула навстречу его массе, зацепила опорную ногу стопой изнутри, а обеими руками перехватила плотный рукав и рванула вниз и на себя. Инерция его собственного разгона сработала как надо.

Грохот от удара тяжелого тела о базальтовые плиты эхом взлетел под своды башни.

Но за эту чистую технику пришлось платить мгновенно. Чужая девяностокилограммовая туша при падении едва не вырвала мне суставы. Правое запястье прострелило острой, режущей болью, пальцы онемели. Опорная стопа предательски подвернулась на скользком камне, отдаваясь

резким спазмом в голеностопе. Я едва удержалась на ногах, покачнувшись и судорожно хватая ртом воздух. Дыхание окончательно сбилось, ребра под тугими бинтами сдавило железным обручем, а перед глазами поплыли серые мушки.

Офицер перекатился через плечо и взлетел на ноги пружиной. Годы службы выбили из него привычку залеживаться. Он с глухим рыком вскинул кулаки, намереваясь просто размазать меня по стене.

Я понимала: еще одну атаку я физически не вывезу. Тело было пустое, выжатое досуха, связки горели, а подвернутая нога уже не позволила бы уйти с линии удара. Но бежать было некуда. Стиснув зубы до скрежета, я заставила себя поднять трясущиеся руки и встать в кривую, на последнем упрямстве держащуюся стойку. Если он сейчас пойдет вперед, я буду зубами рвать ему горло, пока не погаснет свет. Идти до конца, без вариантов.

— Время! — заорал караульный у песочной склянки. — Полторы минуты вышли!

Тяжелый кулак замер в паре сантиметров от моего носа. Поток воздуха колыхнул влажную от пота ткань маски.

Несколько секунд стояла звенящая пауза. Грудь офицера тяжело ходила ходуном, на шее надулись жилы. Я не опускала рук, удерживая низкую стойку и готовясь принять драку до конца, если он решит наплевать на правила.

Наконец он медленно разжал пальцы, отер ладонью раз-

битую губу и хрипло, недоверчиво усмехнулся:

— Ловкий гад. Чисто сработал. И кто же тебя научил так выворачивать чужой вес, оборванец?

Я промолчала, лишь молча опустила руки и едва заметно склонила голову.

Офицер выдохнул, подтянул широкий пояс и махнул караульным:

— Всё, закончили. Осталось двое. Забирайте железо с топчана и за мной. Пора представить вас командору.

Парень с ножом уже стоял у топчана. Подавая мне ножны, он на секунду задержал их в руке и негромко сказал, глядя не на меня, а куда-то в сторону:

— Запястье в холодную воду опусти, пока не распухло. И… аккуратнее с ремнём на груди, малой. Дышать надо.

Он отвернулся раньше, чем я успела ответить.

Глава четвёртая.

Казалось, этот отбор длился целую вечность. Каждая ступень под мешком со щебнем, каждая секунда в загоне с тварью и на ринге выжигали силы до дна. А по факту солнце над свинцовым морем даже не успело подняться к зениту. На всё про всё ушло от силы три часа, не наступило даже время полуденной трапезы.

Офицер вывел нас обратно во внутренний двор Цитадели.

— Два часа на приведение себя в порядок, — бросил он через плечо, останавливаясь у каменных казарменных блоков. — Умывальня, отдых. В полдень колокол позовет на обед. После обеда будет общий сбор на центральном плацу для всех кадетов Чёрного Рифа. Там состоится представление пополнения и принятие присяги перед командованием. Форму и снаряжение получите только после клятвы, если Камень примет присягу. Опоздаете на плац, сгною на чистке стоков. Вольно.

В казарменной умывальне вода из медных труб была ледяной, но это оказалось спасением. Первым делом я сунула ушибленное правое запястье под тугую струю, стиснув зубы от обжигающего холода. Отек удалось немного притормозить. Быстро смыв с лица и шеи пот и каменную пыль, насколько позволяла обстановка, я вернулась к своим вещам. В моем дорожном узелке запасной одежды не было, только ру-

башка, остальное пришло в негодность еще в первую неделю побега, когда я с размаху скатилась в какой-то овраг. Пришлось снова натягивать собственное дорожное тряпье: пропыленное, потертое, но хотя бы рубашку удалось сменить. Грудь я заново наглухо стянула полотном, заправила рубаху и накинула куртку. Катану поставила около кровати, когда придет время выходить, закреплю на спине. Действовала быстро, пока в казарму кто-нибудь не зашел.

Оставшееся время я провела на кровати, не смыкая глаз: методично расслабляла забитые связки спины и осторожно вращала носком подвернутой ноги, разгоняя кровь, чтобы голеностоп окончательно не задеревенел к выходу на плац.

Ровно в полдень над крепостью гулко ударил колокол.

В столовой стоял плотный гул сотен голосов. Пахло сытно, густо и по-настоящему: жареным на углях мясом, наваристым мясным бульоном и свежевыпеченным хлебом. На раздаче выдавали добротную порцию для восстанавливающихся бойцов: глубокую миску густой перловой каши с щедрыми кусками тушеной говядины в жирной подливке, ломоть теплого хрустящего хлеба и кружку крепкого травяного взвара.

Парень с ножом подошел ко мне у раздачи. Он двигался ровно, держа спину неестественно прямо для простого бродяги. Явно не простой.

— Меня зовут Тэарин. Будем знакомы.

Ни грубости, ни казарменной развязности в его голосе не было.

Я лишь коротко кивнула, развернулась и молча ушла в дальний, полутемный угол зала, сев спиной к залу за пустой стол. Тэарин проводил меня спокойным, внимательным взглядом, но навязываться не стал, лишь неторопливо опустился на свободную лавку чуть поодаль.

Когда с едой было покончено, тяжелый двойной удар колокола с главной башни разорвал воздух над цитаделью.

На центральном плацу уже ровными прямоугольниками выстраивались кадеты гарнизона. Они выстроились в ровные четыре шеренги.

Насколько я помнила из книг, которые читала перед побегом, Чёрный Риф делил свои силы на четыре основных боевых корпуса, державших оборону против Бездны:

«Морские Драгуны» — всадники глубинных водных драконов. Элита прибоя, удерживающая затопленные рифы и вход в Разлом, где чудовищные ящеры перемалывали порождений Бездны прямо в штормовой воде.

«Буревестники» — наездники крылатых драконов. Воздушный щит цитадели, контролирующий небеса над рифами, сжигающий гнезда мутантов и пикирующий на прорвавшихся тварей сверху.

«Волноломы» — пешая береговая пехота. Тяжелые заслоны с секирами, копьями и окованными щитами, методично вычищающие скалы, мокрые валуны и узкие расселины по кромке воды.

«Серая Стража» — дозорные, следопыты и застрельщи-

ки. Те, кто уходит в глухие скальные трещины малыми звеньями, читает следы скверны и предупреждает крепость о подземных толчках задолго до удара.

Да, в этом мире были драконы. Правда они не превращались в брутальных мужиков, с идеальным торсом и томным взглядом, как в земных книжках любовного фэнтези. Это были всего лишь звери, но очень умные и опасные.

Нас с Тэарином вывели перед строем, прямо напротив широких ступеней комендатуры. В своем потрепанном, пыльном дорожном тряпье мы выглядели чужаками на фоне вымуштрованных рядов гарнизона.

Гул голосов оборвался в ту же секунду. Сотни бойцов замерли по струнке, когда на помост поднялись двое.

Я смотрела на них исподлобья, не понимая, кто именно перед нами, пока Тэарин, глядя строго перед собой и едва разжимая губы, не заговорил вполголоса:

— Обрати внимание на помост, — негромко произнес он. — Это военный дуумвират. Те, в чьих руках сосредоточена власть над Чёрным Рифом. Мужчина слева — это Лорд-Командор Адриан Вейн. Гарнизон зовет его Скалой. Тридцать четыре года, блестящий стратег, педант и законник. Под его началом Академия, снабжение, крепость и соблюдение королевских эдиктов. Он требует безупречного следования уставу.

Человек слева действительно выглядел монолитом. Строгий мундир застегнут под самое горло, ни единой лишней

складки, тяжелый, неподвижный взгляд, словно взвешивающий цену каждой жизни на плацу.

— Справа от него Райден Эверхарт, — продолжал Тэарин, так же не поворачивая головы. — Лорд-Каратель, прозванный Штормом. Ему едва исполнилось тридцать один, но именно он держит кромку прибоя и сам Разлом. Командует штурмовыми сотнями и лично вычищает рифы от тварей. Если Вейн воплощает закон и порядок, то Эверхарт — его карающий клинок.

Второй правитель даже внешне разительно отличался от напарника: высокий, поджарый, весь какой-то хищный, в тяжелом чешуйчатом плаще из шкуры глубинной твари. От него действительно веяло грозой, а прищуренный взгляд синих глаз скользил по кадетам так, словно мирная жизнь на плацу была для него лишь досадной паузой перед настоящей бойней. Прозвище ему подходило на все сто процентов.

Посередине помоста, на литой чугунной треноге, мерцал Камень Присяги — темно-синий угловатый кристалл размером с голову ребенка, оплетенный серебряными жилами древних рун. Магический артефакт, который мог прочитать намерения кадета и либо принять его присягу, либо отказать в ней.

Адриан Вейн сделал шаг вперед. Голос Лорда-Командора, глубокий и спокойный, без напряжения накрыл весь плац, заглушая рокот моря за стенами:

— Кадеты Чёрного Рифа. Сегодня гарнизон в очередной

раз принимает тех, кто прошел первичный отбор на зачисление: высоту под грузом, бой с тварью и рукопашную.

Его тяжелый взгляд опустился прямо на нас:

— Но это только начало. Дальше будет в разы сложнее. Если вы готовы, выходите к Камню Присяги. Назовите свои истинные имена, имена отцов и примите клятву Стены. Солжете или намерения будут нечисты, Камень сожжет руку до кости. Если есть страх, разворачивайтесь и на выход прямо сейчас. Если Камень примет вас, то прежние обязательства будут над вами не властны.

Тэарин поднялся на каменный помост спокойным, размеренным шагом. Лицо его было открыто всем ветрам: породистое, худощавое, с высокими скулами, прямым носом и холодными серыми глазами. Ни следа кабацкой грубости, выправка потомственного военного, которую не смогло стереть даже дорожное тряпье. Он точно был аристократом, но вот почему появился здесь как оборванец, было не понятно.

Перед самой треногой он замер и без колебаний опустил ладонь на грань артефакта. Серебряные руны вспыхнули ровным холодным светом, отзываясь на прикосновение живой плоти. В этот момент закон Стены был абсолютен: пока рука касается Камня Присяги, ни один командир в мире не имеет права прервать ритуал. Если камень признает слова истиной и примет клятву — назад дороги нет. Человек становится частью Чёрного Рифа.

— Тэарин Моран, — четко, разнося каждое слово над за-

мершим строем, произнес он. — Сын барона Теодора Морана. Клянусь держать Стену, пока бьется сердце, подчиняться приказам командования и не делать шага назад перед порождениями Бездны.

Кристалл на треноге глухо загудел, втягивая в себя серебристое свечение. Клятва легла на артефакт гладко, без единой искры сопротивления. Камень вспыхнул равномерным синим цветом.

По шеренгам кадетов пробежал сдержанный, но явственный шепоток. Аристократы в Чёрном Рифе не были редкостью среди высшего офицерства и кадетов, но чтобы сын барона пришел простым бродягой через мясорубку общего отбора… случай исключительный.

Адриан Вейн лишь едва заметно сузил веки, принимая выбор новобранца, и жестом велел ему отступить в сторону.

— Следующий, — голос Лорда-Командора разрезал гул строя. Тяжелый давящий взгляд Скалы уперся прямо в меня. — Руку на камень. Снять капюшон и маску. Перед присягой предстают с открытым лицом и чистыми намерениями.

Я сделала глубокий вдох через нос, усмиряя бешеный пульс. За последние недели я почти свыклась с тем, что теперь меня зовут Дарианна. Это имя въелось под кожу вместе со следами от розог и ноющей болью в связках.

Ступени помоста отозвались глухим стуком подбитых сапог.

Я шагнула к треноге и правой рукой, запястье которой все

еще пульсировало тупой болью после броска, накрыла грань кристалла.

Холод артефакта мгновенно прошил ладонь до самого плеча, выбивая воздух из легких. Руны под пальцами затрепетали, наливаясь сиянием, готовые разорвать плоть за малейшую попытку обмана. И в эту же секунду, не отрывая ладони от камня, я резким, хлестким движением здоровой руки сдернула платок и смахнула назад тяжелый капюшон.

На плечи и потертую ткань куртки выбились неровно, грубо остриженные по плечи светлые пряди, результат спешной дорожной маскировки. Под капюшоном бродяги скрывалось молодое, бледное девичье лицо: правильные, тонкие черты, высокая линия скул со свежей ссадиной, розовые пухлые губы и глубокие синие глаза.

Я понимала, что они сейчас видят. Совсем юную симпатичную девчонку.

Строй на плацу оцепенел.

— Дарианна Бельмонт! — мой голос прозвучал звонко и неожиданно громко, разорвав тишину над крепостью. — Дочь графа Роланда Бельмонта! Клянусь держать Стену, пока бьется сердце, подчиняться приказам командования и не делать шага назад перед порождениями Бездны!

Камень под моей рукой тут же налился синим цветом, подтверждая каждое сказанное мною слово. Волна сырой магии ударила вверх по руке, оплетая запястье невидимой железной нитью присяги, и с гулким резонансом ушла вглубь

кристалла.

Артефакт принял клятву беглой дочери графа безоговорочно.

Над плацем повисла жуткая, давящая, гробовая тишина. Лицо Лорда-Командора Адриана Вейна застыло, словно вытесанное из гранита, лишь в глубине его серых глаз шевельнулось нечто похожее на редкое для него потрясение.

И посреди этого мертвого безмолвия Лорд-Каратель Райден Эверхарт, сделав шаг вперед, окинул меня ошалелым взглядом с ног до головы и негромко, но отчетливо выдохнул:

— Нихрена себе...

Глава пятая

Конечно, я понимала, что произведу эффект разорвавшейся бомбы. Я долго сомневалась, стоит ли вообще лезть в боевой гарнизон, где уровень тестостерона на квадратный метр зашкаливал за любые разумные пределы.

Новое лицо досталось мне слишком привлекательным: классическая блондинка с синими глазами и чувственными губами. Да, за две недели скитаний внешность изрядно потускнела, дорожное тряпье наглухо скрывало фигуру, а катана за плечом окончательно сбивала с толку, но я все равно оставалась красной тряпкой для целого стада быков.

Однако, изучая законы и порядки Валории перед побегом, я осознала главное: выбора у меня просто не было. Любой чиновник, стражник на заставе или даже случайный горожанин тут же сдал бы меня «родне» за щедрую награду. Единственным спасением оставался Чёрный Риф.

Не то чтобы в цитадели совсем не водилось женщин. Они были: лекари, прачки, горничные, работницы кухни, канцеляристки и даже несколько кадетов среди сотен мужчин. Но вот дочери высшей аристократии сюда точно ни разу не забредали.

И вот теперь я здесь. Стою перед сотнями глаз и четко понимаю: спокойной жизни мне тут не светит. Впрочем, к этому я была готова. Главное — нужно продержаться до совер-

шеннолетия, которое в этом мире наступает в двадцать один год. А там можно будет тихо вылететь, ну хотя бы за профнепригодность. И уже потом со спокойной совестью послать далеко и надолго всю эту «любящую» семейку.

Лорд-Командор, видимо, уже взял себя в руки.

— Хм… Это было весьма неожиданно, — сухо произнес он, и в его голосе снова зазвучал металл. — Однако Камень Присяги ответил согласием, поэтому вы оба отныне являетесь кадетами Чёрного Рифа. Распределение по корпусам проведем завтра, а сейчас прошу пройти в мой кабинет. Всем разойтись!

Лорд-Командор круто развернулся на каблуках и зашагал к комендатуре, не оглядываясь. Следом за ним пошел Лорд-Каратель, на ходу еще раз с неприкрытым интересом окинув меня тяжелым взглядом.

— Ну что, подруга, пойдем за ними?

Я вздрогнула от слов Тэрри — так я уже успела его окрестить про себя, полное имя «Тэарин» казалось неудобным для произношения.

— Давно понял? — тихо спросила я, не поворачивая головы.

— Да почти сразу. Как вообще можно перепутать парня и девчонку? Они просто даже мысли не допускали, что сюда сунется девушка, вот и не обратили внимания на очевидные признаки.

— А ты наблюдательный, — хмыкнула я.

— Какой есть, — хохотнул Тэрри.

Мы направились следом в комендатуру. Лорды уже скрылись внутри массивного здания, так что куда именно идти дальше, было неясно. В холле пришлось уточнять дорогу у дежурного караульного, который с ошарашенным лицом молча указал нам на широкую каменную лестницу, ведущую на второй этаж.

— Я теперь здесь как обезьяна в цирке, — с раздражением буркнула я, чувствуя на затылке его удивленный взгляд.

Тэрри в ответ лишь понимающе усмехнулся.

Остановившись перед широкими дубовыми дверьми приемной, я набрала в грудь побольше воздуха и шагнула внутрь.

В просторном помещении за массивным столом сидел военный в строгом форменном мундире, видимо, адъютант или секретарь. По обе стороны приемной располагались двери, ведущие в кабинеты начальства. На левой поблескивала латунная табличка: «Лорд-Командор Адриан Вейн», на правой — «Лорд-Каратель Райден Эверхарт».

Дверь в кабинет Командора была слегка приоткрыта, и оттуда доносился раскатистый мужской смех. Адъютант лишь молча махнул нам рукой: мол, проходите, ждут.

Мы коротко постучали. Смех за дверью тут же стих.

— Войдите!

Мы шагнули внутрь и замялись на пороге.

Лорд-Каратель, стоявший у окна, скрестив руки на груди,

смерил нас насмешливым взглядом в упор:

— Что встали столбами? Докладывать нужно по форме.

Тэрри мгновенно подобрался и гаркнул с армейской выправкой:

— Кадет Тэарин Моран по вашему указанию прибыл!

Пришлось подстроиться следом:

— Кадет Дарианна Бельмонт по вашему указанию прибыла.

— Вольно, — бросил Эверхарт. — Подойдите ближе.

Адриан Вейн сидел за широким рабочим столом, заваленным картами и отчетами, и смотрел на нас невероятно хмуро, подперев подбородок сцепленными пальцами.

Райден, глядя на его каменную физиономию, не выдержал и снова громко расхохотался:

— Ну и подкинули нам проблем, да, Эдди?

— Хватит ржать, Рай.

Адриан Вейн со вздохом откинулся на спинку массивного кресла и потер переносицу.

— Кадет Моран, вы в курсе, что отец ищет вас по всей Валории?

— Так точно, Лорд-Командор, — без запинки отчеканил Тэрри, даже глазом не моргнув.

— Мне плевать, что у вас там стряслось, теперь вы часть Чёрного Рифа. Но по закону я обязан уведомить вашу семью, что вы живы и находитесь здесь. Сегодня у вас свободный день, можете осмотреть гарнизон. Ночевать пока будете

в той же казарме для поступающих. Завтра утром состоится распределение, после чего переберетесь в расположение своего подразделения. Свободны.

Тэрри вышел за дверь, на ходу незаметно подмигнув мне.

— Кадет Бельмонт… — протянул Адриан Вейн, смерив меня тяжелым взглядом. — Признаюсь, для меня остается загадкой, как вы вообще умудрились пройти отбор. Но предупреждаю сразу: никаких поблажек на ваш пол в дальнейшем не будет. Это ясно?

— Предельно, Лорд-Командор.

Внутри у меня уже вскипало глухое раздражение. Я приготовилась слушать дежурную нудную лекцию о том, что женщинам на Стене не место.

— Да брось ты пугать девчонку, Эдди, — хмыкнул от окна Райден. — Докладывали, что она в загоне за пару секунд одним чистым ударом снесла башку твари.

Вейн даже бровью не повел, продолжая буравить меня холодным, недоверчивым взглядом:

— Время покажет. Но сразу обозначу рамки.

В его голосе явственно прорезался металл:

— Если вздумаете вертеть здесь хвостом перед парнями, вылетите за ворота в тот же день. Мне в гарнизоне не нужны поножовщина и драки за возможность залезть женщине под юбку.

От такой прямоты у меня перехватило дух. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

— В мои планы совершенно не входило крутить хвостом, Лорд-Командор, — процедила я сквозь зубы, глядя ему прямо в переносицу.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Вейн. — Однако хочу, чтоб вы поняли раз и навсегда. Здесь не столица, не модный салон и тем более не уютный папенькин особняк. Любая ваша оплошность, попытка манипулировать умами мужчин, завлекать обещаниями, устраивать истерики и прочие милые сердцу любой леди вещи приведут к тому, что вас с позором выставят за ворота. Или доставят с конвоем к отцу.

Я медленно разжала пальцы, заставляя бешеный пульс затихнуть. Дерзить ему сейчас значило признать слабость.

— Я здесь мужа не ищу, Лорд-Командор, — ровно произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — С этим прекрасно справляется мой отец.

— Ваш отец поднял на уши все королевские заставы, — сухо парировал он, не обращая внимания на мой выпад. — Буквально вчера пришла очередная депеша: требование задержать и конвоировать обратно под стражей. Мне придется сообщить ему о вашем местонахождении.

— Это его проблемы, Лорд-Командор.

Лорд-Каратель, всё ещё стоявший у окна и с интересом слушавший наш разговор, снова с удовольствием расхохотался:

— А малышка-то бойкая! Ну что же, посмотрим на полигоне, чего ты стоишь на самом деле. Завтра утром распреде-

ление. На сегодня свободна, отдыхай. И да, иди с Мораном, получи снаряжение и обмундирование.

Адриан Вейн лишь молча и выразительно кивнул на выход:

— Свободны, кадет.

Я вылетела из кабинета, с трудом сдерживая раздражение. Нет, ну что за напыщенный индюк! Почему, если ты девушка, тебя обязательно надо с порога макнуть лицом в дерьмо? Откуда ему знать, буду я вертеть хвостом или нет. Может, я шарахаюсь от мужиков почище монастырской послушницы?!

Бесит.

За дверями приёмной, привалившись плечом к шершавой каменной кладке, меня ждал Тэарин. Стоило мне переступить порог, как он вскинул голову и прищурился:

— Что за выражение лица, Дара? Кого убивать собралась?

Я замерла на полушаге, опешив:

— Как? Как ты меня назвал?

— Дара, — невозмутимо пожал он плечами. — Надо же хоть как-то сократить. Каждый раз выговаривать «Дариана» не хочется.

Я перевела дух, пытаясь унять непрошеный спазм в груди. На мгновение мне почудилось, что он сказал «Дарья».

— Раз уж взялись сокращать имена, — взяв себя в руки, с кривой усмешкой отозвалась я, — тогда ты отныне Тэрри.

— Идёт, — в его глазах блеснули озорные искры. — Так

каков план действий? Предлагаю первым делом наведаться к завхозу и получить уже нормальное обмундирование. А уж после без спешки изучить гарнизон.

— Разумно. Пошли, Тэрри.

И мы бок о бок зашагали по длинному коридору прочь из комендатуры.

Визуал

Дарианна, 18 лет

Тэарин, 20 лет

Адриан Вейн, 34 года, по прозвищу Скала

Райден Эверхарт, 31 год, по прозвищу Шторм

Глава шестая.

Адриан Вейн откинулся на спинку массивного кресла и задумчиво уставился в потолок. Никогда бы он не подумал, что вот так запросто встретит её. Дочь человека, которого он ненавидел больше всего на свете. Да ещё где? В Чёрном Рифе. И ведь отбор прошла сама. Сразу видно: ни перед чем не остановится, вся в своего папашу.

— Эдди, о чём задумался? — спросил Райден, медленно прохаживаясь вдоль заставленных шкафами стен кабинета. Он остановился у края стола и, скрестив руки на груди, покачал головой: — Чувствую, что ничего хорошего нас не ждёт. Разлад среди кадетов нам ни к чему, а то, что они начнут ухлёстывать за ней, это как пить дать.

Адриан тяжело вздохнул, наклонился вперёд и упёрся локтями в столешницу, сцепив пальцы перед лицом:

— У нас больше половины корпуса — это обычные простолюдины. К аристократке вряд ли будут яйца подкатывать в открытую…

— Ой да брось ты, — усмехнулся Райден. Он шагнул ближе, опёрся обеими руками о дубовый стол и заглянул другу прямо в глаза: — Сам знаешь, что многим ребятам будет только в радость подразнить заносчивую аристо.

— Бездна! — Вейн с силой стукнул ладонью по стопке от-

чётов, скрипнув зубами. — Вот нахрена они оба сюда припёрлись? Ладно Моран со своими амбициями, но эта? Что у неё там стряслось, что она решилась сбежать на край земли? Что за блажь? Надоело вышивать крестиком?

— Поживём — увидим, — пожал плечами Райден, выпрямляясь и направляясь к массивным дверям. Уже взявшись за кованую ручку, он обернулся через плечо: — Ладно, Эд, я к себе. Сегодня вылазок не планируется, давно пора разобрать скопившиеся бумаги.

Тяжёлая створка с глухим стуком захлопнулась. Райден ушёл, оставив за собой тишину, а Адриан опустил голову и с силой растёр лицо ладонями.

Так похожа на мать… Те же синие глаза, такие же светлые волосы. Только подбородок другой. Упрямый, бельмонтовский.

Сердце болезненно сжалось, отдавая тупой, застарелой тоской. Грета… Единственный по-настоящему близкий ему человек, оставила его чуть больше восемнадцати лет назад, отдав свою жизнь за то, чтобы родилась эта девчонка. Он не сумел её уберечь, сам был шестнадцатилетним пацаном. И до сих пор не простил этого ни ей, ни себе, ни тому, кто её погубил. Даже её дочь, которую в глаза не видел, он много лет винил в её смерти… хотя ребёнок-то в чем виноват…

Нет, всё, хватит. Хватит об этом думать. Эта девчонка не Грета. Грета никогда бы не отчеканила: «Это его проблемы». Эта, кажется, вообще не умела молчать.

Сейчас первым делом надо написать Бельмонту, сожри его Бездна, и оповестить, что его дочь здесь.

Но вот отдать её Адриан не мог, хоть и очень хотел. А всё этот проклятый закон. Теперь или она сама покажет свою непригодность, или умрёт. Чёрный Риф никого не отпускал просто так.

Впрочем, Адриан не сильно переживал по этому поводу. Здесь женщинам не место. Даже крепкие простолюдинки, всю жизнь пахавшие на полях, и те не выдерживали. Что уж говорить об избалованной аристократке. Дарианна сломается и отправится к своему папаше уже через неделю, в этом он был уверен.

***

Дарианна

Получив на складе полные комплекты экипировки, мы с Тэрри отправились во временную казарму, чтобы скинуть вещи. Снабжение тут работало на отлично: нам выдали вообще всё, начиная от нижнего белья и заканчивая теплыми форменными плащами. В довесок шли удобные комплекты для тренировок и две пары крепких сапог, повседневные и для полигона. Причем всё, кроме теплого верха и обуви, выдавалось сразу в двух экземплярах.

Я мысленно выдохнула с облегчением. Сменных вещей у меня не было от слова совсем, так что казенным обновкам, а особенно чистому белью, я радовалась как ребенок.

Что интересно, на мою комплекцию тоже нашлась нор-

мальная форма. Понятное дело, никаких женских лекал тут отродясь не водилось, крой был стандартным, но самая маленькая ростовка села почти как влитая. Как лениво пояснил мужик, заведующий складом, такие мелкие размеры они держат специально для подростков. Всякие беглые пацаны добирались до Стены не так уж часто, но всё же бывали. А Чёрный Риф возрастным цензом никогда не страдал. Бойцы требовались всегда и в большом количестве. Смертность на рубеже была немаленькой, да и уходило отсюда много народу из-за так называемой непригодности. Трусость, дезертирство, тяжелые ранения, из-за которых люди становились калеками… Причин хватало. По сути, текучка здесь была бешеной, поэтому и набор шел постоянно.

— Я много изучал информацию про Чёрный Риф, прежде чем сбежать сюда, — разоткровенничался Тэрри, пока мы сваливали выданные казенные тюки прямо на свои койки. — Всегда хотел быть военным, мечтал об этом с детства. Как мой отец, как дядя. Но семья была категорически против. Ну, я и сбежал.

«Вот же щегол», — хмыкнула я про себя, присаживаясь на край матраса. Сбежал он. И ведь даже не задумывается о том, каково сейчас его родителям. Чистый юношеский максимализм.

— Я хочу попасть к наездникам, — мечтательно закатил глаза Тэрри. — Но не к водным, а к летающим. Это же так круто!

— А мне всё равно. Главное, не вылететь, — сухо отозвалась я, развязывая горловину своего мешка, просто чтобы проверить размер тренировочных сапог.

По сути, Тэрри был младше настоящей меня лет на десять, если так посмотреть, и эта разница в суждениях сейчас ощущалась довольно остро. Для него всё происходящее было погоней за мечтой, а для меня — тупо вопросом выживания.

— Дара, а ты почему здесь? — вдруг спросил он.

— Извини, Тэрри, я пока не готова к откровенностям, — мягко, но непреклонно свернула я тему. — Давай лучше переоденемся. А то ходим как оборванцы. Тоже мне, два аристократа.

Он хмыкнул, и мы оба негромко рассмеялись.

Временная казарма не подразумевала вообще никакой уединенности, так что переодеваться пришлось по очереди, тактично отворачиваясь.

Натянув чистое белье и плотную черную форму, я с удовольствием разгладила руками жесткие складки сукна. Влезла в новые сапоги. Эх, сюда бы еще нормальную горячую баньку, и была бы вообще красота.

Тщательно затянув все ремни, я привычным движением закрепила катану за плечами. По классике, конечно, её полагалось носить на бедре, но в длительной дороге длинные ножны вечно мешались и били по ногам. Поэтому я перевесила меч за спину и, убив немного времени на привалах, вполне сносно натренировалась выхватывать клинок из-за

плеча.

Выйдя из казармы в новой, ладно сидящей форме, мы решили немного осмотреться. До ужина оставалось еще порядочно, так что времени хватало. Территория Чёрного Рифа впечатляла масштабами и выверенным армейским порядком. Везде царила чистота, никаких брошенных вещей или мусора под ногами. Просторный, мощеный ровными черными плитами плац казался огромным, а сами каменные корпуса располагались на приличном расстоянии друг от друга. Видимо, на случай атаки или пожара, чтобы огонь не перекинулся на соседние здания.

Вдалеке, ближе к отвесным скалам, виднелся исполинский сетчатый купол большого загона. Оттуда доносился клекот и тяжелое хлопанье кожистых крыльев. По всей видимости, именно там содержали летающих драконов. Тэрри буквально прилип к ним взглядом, мечтательно вздыхая и чуть не спотыкаясь на ровном месте. Загон для водных ящеров располагался прямо в море, но спускаться туда по скользким ступеням мы не стали, сил после утреннего отбора и так оставалось немного.

Если рассуждать здраво, сам отбор оказался не таким уж запредельно сложным. При наличии хорошей физической подготовки пройти его было вполне реально. Стандарты держали высокими, но преодолимыми, а значит, вся жесть начнется уже после.

Изнурительные тренировки, вылазки к Разлому, реальная

кровь и бои с тварями. Во время прорыва задействовался весь состав, включая кадетов, так что боевой практики будет хоть отбавляй. Не знаю, как здесь обстояли дела с дедовщиной, но я была на все сто процентов уверена, что задирать нас начнут уже сегодня. И особенно меня, ведь я девчонка, а посмела сунуться в их суровое мужское царство.

Расклад просчитывался элементарно. Одна половина гарнизона попытается меня сломать просто из принципа, чтобы доказать превосходство, а вторая попытается затащить в постель. Конечно же, официально любые неуставные отношения и насилие жестко карались, лорды наверняка свой хлеб не зря ели и держали железную дисциплину. Но когда это мужиков останавливали строгие правила?

Так что давать слабину нельзя было ни на секунду. Этот закон стар как мир: прогнешься один раз, покажешь страх, и все, живьем сожрут, затравят и будут вытирать ноги каждый божий день. Стоит только уступить одному, пустить в койку, и сразу по рукам пойдешь, опомниться не успеешь.

Нет, мне такого счастья даром не надо. Придется стоять насмерть с первого же дня. Плевать на последствия, если потребуется, я и в карцере готова отсидеть, и морду кому надо начистить, лишь бы сразу отбить любое желание ко мне приближаться.

А так как физически я была слабее любого, даже самого щуплого мужика здесь, оставалось надеяться только на свои навыки. Зря я, что ли, столько лет оттачивала приемы боя с

оружием?

Японскими боевыми искусствами я увлеклась еще в раннем детстве. Тогда по телевизору еще не крутили столько всего, как сейчас, и когда начали показывать первые аниме, меня было уже за уши не оттащить. Мы с соседскими ребятами хватали во дворе палки, изображали бои на мечах и вовсю мечтали о том, как порубим демонов в мелкую капусту. Похоже, в моем случае мысли оказались материальны. Большинство моих приятелей по мере взросления забросили эту забаву, а я пошла дальше: детские секции, пахота на тренировках, бесконечные соревнования. Год за годом нарабатывая технику, я добралась до звания мастера спорта по кэндо — фехтованию на бамбуковых мечах. Это дало хорошую реакцию и чувство дистанции, но мне хотелось работать с настоящей сталью. Поэтому вторым направлением стало иайдо — искусство мгновенного удара катаной прямо из ножен. Третьим шло кобудо: работа с шестами, сай и другим традиционным арсеналом.

И вот теперь я почти воплотила свою детскую мечту. Прямо как в аниме, стою на краю мира и собираюсь рубить всяких монстров.

Сейлор Мун, мать твою.

От раздумий и болтовни Тэрри меня отвлек чей-то громкий смех.

Мы как раз огибали угол длинного тренировочного корпуса, когда путь нам преградила компания.

Их было пятеро. Все в черной форме с нашивками, уже действующие кадеты. Крепкие, раскачанные парни с наглыми усмешками. Новость о том, что отбор прошла девчонка, да еще и дочь графа, явно уже облетела весь гарнизон. Да и сами они наверняка присутствовали на плацу во время присяги.

— О, глядите-ка, столичная принцесса соизволила выйти на прогулку, — протянул самый крупный из них, здоровяк с перебитым носом и массивными плечами. Он вальяжно отделился от стены, перекрывая мне дорогу. — Что, деточки аристократов уже наигрались в куколки, на игры повзрослее потянуло? Ну так, если что, я могу помочь, — заржал он и демонстративно подался бедрами вперед, поправляя ширинку обеими руками.

Тэрри мгновенно напрягся. Его пальцы инстинктивно легли на рукоять верного охотничьего ножа на поясе. Он чуть согнул колени, пружиня и всем своим видом показывая, что готов броситься в драку прямо сейчас.

Я же лишь мысленно вздохнула и слегка повела плечом, давая напарнику знак не лезть. Классика жанра. Самец-доминант решил самоутвердиться за счет новеньких перед своей свитой, и теперь ему кровь из носу нужно показать, какой он крутой.

— Уйди с дороги, — спокойно сказала я, глядя громиле прямо в глаза.

— А то что? Заплачешь? — загоготал здоровяк, делая шаг

ко мне. Его взгляд презрительно скользнул по моей фигуре и остановился на рукояти за моим плечом. — Это еще что за зубочистка? Вышивку свою спарывать привезла? Ну-ка, дай посмотреть.

Он потянулся лапищей прямо к рукояти катаны.

Грубейшая ошибка.

Сработал чистый рефлекс, вбитый годами изнурительных тренировок на татами.

Короткий скользящий шаг по диагонали — классический тай-сабаки, уход с линии атаки. Пальцы громилы схватили лишь пустоту. В ту же долю секунды моя правая рука легла на оплетку рукояти за спиной.

Сухой щелчок освобожденного замка ножен. Одно слитное, выверенное тысячами повторений движение, в котором сработал весь корпус. Сталь с тихим хищным шелестом покинула ножны.

Здоровяк даже моргнуть не успел, а холодное бритвенно-острое лезвие уже прижалось к его кадыку. Чуть под углом, готовое вспороть сонную артерию при малейшем рывке. Маленькая капелька крови выступила на слегка рассеченной коже горла и медленно поползла вниз.

Громила замер, так и не опустив протянутую руку. Краска разом схлынула с его лица, кадык нервно дернулся над самой сталью. В глазах мелькнул первобытный ужас: он понял, что клинок обнажился быстрее, чем его мозг успел сообразить, что произошло.

Я стояла в идеальной стойке, не сбив дыхания, и смотрела прямо в его расширившиеся зрачки.

— Запомни правило, боец, — негромко, но предельно четко произнесла я, не убирая лезвия. — Без спроса чужое оружие не трогать. В следующий раз я не остановлюсь и распорю тебе глотку от уха до уха. Мы поняли друг друга?

Он судорожно сглотнул и медленно, по миллиметру, убрал руки за спину. Остальные четверо кадетов стояли как вкопанные, ошарашенно глядя на то, как их вожака только что технично и без лишнего шума поставили на грань между жизнью и смертью.

Плавным движением я вернула катану в ножны. Клинок мягко вошел обратно, с тихим щелчком зафиксировавшись в устье.

— Пойдем, Тэрри, — бросила я, даже не оборачиваясь на притихшую компанию, и спокойно зашагала дальше по аллее.

Тэрри, усмехнувшись уголком губ, убрал руку с ножа и молча двинулся следом. Теперь в его взгляде читалось не просто товарищество по несчастью, а неприкрытое уважение.

Мы успели отойти на приличное расстояние от тренировочного корпуса, прежде чем его всё-таки прорвало. Тэрри то и дело бросал на меня косые изучающие взгляды и наконец не выдержал:

— Дара... это что вообще сейчас было? — в голосе сме-

шались восторг и настороженность. Он выразительно кивнул на торчащую из-за моего плеча рукоять: — Где ты такому научилась? И что это за клинок? Я с детства оружием интересуюсь, у отца богатая коллекция была, но такого лезвия в жизни не видел. А скорость... я даже моргнуть не успел! Я еще с отбора, когда ты тварь зарубила хотел спросить.

Я чуть замедлила шаг, подбирая слова. Не рассказывать же восторженному мальчишке про секцию кэндо, соревнования, стертые в кровь пятки на татами и прошлую жизнь в другом мире.

— Пришлось научиться, — спокойно ответила я, глядя перед собой.

— А в столице все графини так... вынужденно учатся? — недоверчиво хмыкнул он.

— Только те, кто хочет выжить, — я позволила себе легкую полуулыбку, напустив на себя вид загадочной и уставшей от лишних расспросов особы. — А клинок... скажем так, редкая штучная работа. На этом всё, Тэрри. Давай пока закроем тему, ладно?

Он понятливо вскинул ладони в примирительном жесте:

— Понял, молчу. Твои тайны — это твои тайны. Но это было... очень сильно.

— Это было просто неожиданно, Тэрри. Второй раз уже не прокатит, они задавят массой. Один удар и всё, будете мои кости собирать. Поэтому стоит быть начеку.

— Ну, если они толпой полезут, я не стану стоять столбом

и хлопать глазами, — Тэрри криво усмехнулся, но взгляд его оставался серьезным. — В спину я им зайти успею. Так что пусть только сунутся, аристократов они точно недооценивают.

Я лишь молча кивнула. На ближайшее время этот парень оставался моим единственным союзником в гарнизоне, и пусть лучше он считает меня смертоносной загадкой, чем слабой обузой.

Адреналиновый взрыв постепенно отпускал, и плечо заныло от резкого движения. Красивый трюк, но если бы этот шкаф не струсил и попер напролом вместе со своей сворой, мне бы не поздоровилось. Повезло, что блеф сработал. Да и полоснуть его по-настоящему я бы вряд ли смогла. Одно дело, рубить бездушных тварей из Разлома, и совсем другое, хладнокровно перерезать глотку живому человеку. До такого я еще точно не доросла.

Глава седьмая.

Утренний сбор объявили в зале боевой аттестации гарнизона. Просторное монументальное помещение из полированного камня заливал ровный холодный свет магических кристаллов. Вдоль стен ровными рядами стояли начищенные стойки с оружием, а в центре зала оборудовали помост с канатами на полированных столбах. Своеобразный тренировочный ринг.

На возвышении находились лорды дуумвирата и, по всей видимости, старшие офицеры четырёх корпусов в строгих черных мундирах.

Возле канатов ринга дежурили двое экзаменаторов: какой-то жилистый сержант и высокий сухопарый мечник со шрамом через всю щеку и тяжелым, оценивающим взглядом.

Интересно, они на каждое распределение всем составом ходят? Судя по тому, что набор идет постоянно, распределение так же проходит довольно часто.

Офицеры тихо переговаривались. Среди них комплекцией выделялся командир «Волноломов», тяжелой пехоты первой линии. Мощный мужик с широченными плечами. Рядом держался поджарый офицер Серой стражи, разведки и стрелков. Оставшиеся двое были командирами крылатых и водных наездников, судя по нашивкам в виде драконов на мундирах.

Посреди зала, на массивном дубовом столе перед возвышением офицеров, лежал артефакт проверки магического потенциала: тяжелый кусок матового лунного камня размером с пару кулаков, заключенный в лаконичную оправу из черненого серебра. Поверхность камня была шероховатой, холодной и казалась совершенно безжизненной, пока к ней не прикасалась рука мага. От оправы по дереву стола расходились тонкие серебряные прожилки, уходящие к вертикальным шкалам-делениям.

Принцип был прост и нагляден: претендент клал ладонь на шероховатый скол, и минерал втягивал крохи силы, заставляя шкалы вспыхивать снизу вверх.

Об этом всём вчера мне рассказал Тэрри, как и о том, что для работы с драконами требовалась сильная искра. В воздухе или на воде клинком не помашешь, там держали ментальную сцепку с ящером и вели бой дистанционной магией.

Мы с Тэрри стояли на вытяжку перед столом с артефактом, пока офицеры наконец не соизволили к нам обратиться.

— Кадет Моран, к столу, — скомандовал командир крылатых.

Тэрри нервно сглотнул, сделал шаг вперед и опустил раскрытую ладонь на шероховатую грань артефакта.

Камень на секунду потемнел, вбирая силу, а затем из самой его глубины плеснуло яркое, ослепительное лазурное свечение. Серебряные прожилки на столе откликнулись чистым тонким звоном, и световая волна мгновенно взметну-

лась вверх по шкале, заполнив деления больше чем на половину. По каменному залу прокатился гул резонанса.

Офицер крылатых довольно кивнул, быстро чиркнул что-то в планшете и впервые за утро улыбнулся:

— Искра чистая, отклик мгновенный. Потенциал выше среднего.

— Отлично, — раздался холодный голос Адриана Вейна. — у тебя как раз некомплект. На испытательный срок бери. Если не сможет ужиться с драконом, в Стражу отдаёшь.

— Понял. — отозвался командир Буревестников.

Тэрри едва сдержал победный возглас, бросил на меня сияющий взгляд и отступил чуть в сторону. Мечта мальчишки сбывалась прямо на глазах.

— Бельмонт, руку на артефакт, — бросил лорд-командор, даже не глядя в мою сторону.

Я подошла к столу под тяжелыми, скептическими взглядами офицеров. Женщина в гарнизоне для них оставалась странным недоразумением.

Спустя миг опустила ладонь на холодную грань артефакта. Магия во мне отозвалась. Тонкая, едва ощутимая струйка тепла потекла через пальцы вглубь минерала. Камень тускло замерцал изнутри мутным белесым светом, по шкале лениво поднялась бледная серебристая полоска и замерла, не добравшись даже до трети шкалы. Ни гула, ни лазурных всполохов. Бытовой минимум, чтобы разжечь огонь или затянуть мелкую царапину.

Офицер крылатых скривился и демонстративно отвел взгляд. Командир водных лишь с досадой качнул головой:

— Мало. Для ментальной связи резерв нулевой, птенец с первой же попытки контакта выжжет ей голову.

Вейн на возвышении даже не шелохнулся, только в глубине глаз промелькнуло отчетливое удовлетворение.

— Магии толком нет, — констатировал командир Волноломов, скрестив массивные руки на груди. Его взгляд прошелся по моим плечам и тонким запястьям с неприкрытой насмешкой. — И силы нет. В пехоте первой линии ей делать нечего. Она под полным снаряжением сляжет через полмили марша, а ударный щит даже от плит не оторвет. Нам бойцы нужны, а не комнатные собачки. Сразу отказ.

Оставалась Серая стража. Их офицер прищурился, разглядывая меня без злобы, но с дотошным сомнением:

— Для разведки вес и габариты подходящие. Но там нужна выносливость и умение работать с железом. Проверим, что умеет.

Он кивнул своему помощнику, тому самому жилистому сержанту. Тот шагнул к стойкам, снял два длинных тренировочных деревянных шеста из тяжелого ясеня и легко перемахнул через канат ринга. Один оставил себе, второй бросил мне.

Я поймала дерево на лету, привычно взвесив в руках. Тело Дарианны было непривычно к грубой работе, и гладкий ясень сразу неприятно обожег нежную кожу ладоней, но го-

лова и мышечная память прошлой жизни знали это оружие безупречно. Я перехватила шест в базовый хват кобудо: ведущая рука на треть длины вперед, задняя фиксирует комель у пояса. Центр тяжести вниз, ступни плотно прижаты к плитам.

Сержант оценил стойку коротким кивком и сразу пошел вперед.

Первый выпад шел в плечо, хлестко и на пробу. Принимать жесткий упор с такой разницей в весе я не стала: короткий шаг по кругу, скользящий сбив комлем и чужой ясень ушел в сторону. Сержант тут же провернул шест, атакуя снизу под колено, но я опустила блок вертикально и ответила коротким тычком вперед.

Легкого спарринга у него не вышло: щелчки дерева слились в дробь. Он давил массой, а я непрерывно крутила уходы с линии атаки, гася инерцию его тяжелых замахов косыми блоками. Дыхание сбилось довольно быстро, пот залил лоб, но база держала: локти прижаты, дистанция выверена до сантиметра.

Улучив момент, когда он слишком широко замахнулся по диагонали, я нырнула под траекторию и вбила нижний край шеста ему прямо в незащищенный бок.

Сержант крякнул, отшатнулся на шаг и опустил оружие, поморщившись от болезненного тычка в ребра:

— Реакция есть. Дыхалки надолго не хватит, но базовую геометрию держит мертво. Руки быстрые.

— Шест — это для разминки, — шагнул вперед второй экзаменатор. Он снял со стойки тренировочный палаш и крутанул его в кисти. — Твари бьют когтями, а не палками. Бери клинок.

Он мотнул подбородком на стойку со стандартными армейскими мечами: широкими двухкилограммовыми полосами закаленной стали.

— Не потяну, — честно ответила я, переводя дыхание. — Слишком тяжелый для моей кисти. Рука потеряет скорость.

Я сбросила шест на канаты, завела руку за плечо и вытянула из ножен свою катану. Узкая полоса заточенной стали блеснула в свете магических кристаллов.

Офицер прищурился, оценивая непривычный изгиб клинка. В зале стало заметно тише: выходить на спарринг с боевым заточенным оружием здесь было не принято, но останавливать меня никто не стал.

— Красивая игрушка, — хмыкнул мечник, перехватывая палаш обеими руками. — Смотри сама не порежься.

Он шагнул ко мне и обрушил мощный рубящий удар сверху вниз, вкладывая весь корпус.

Принимать такое лезвие в лезвие было нельзя. В долю секунды до касания я сделала шаг по диагонали, подставляя клинок под косым углом. Раздался резкий скрежет. Я позволила его тяжелому мечу соскользнуть по скосу обуха в пустоту, направляя удар в пол. От отдачи пальцы на рукояти свело, но катану я удержала.

Не давая ему опомниться, я крутанула кисть, контратакуя в сочленение воротника. Мечник среагировал вовремя, успев выставить широкую крестовину.

Следующие пару минут мы кружили по помосту. Мечник вел бой легко, даже не сбив дыхания. Он играючи навязывал темп, проверяя меня длинными, хлесткими выпадами и пользуясь преимуществом в росте и весе. Я же крутилась на пределе, держа его исключительно на сбивах, углах и уходах с линии атаки. Силы таяли, от постоянного напряжения легкие уже начинало жечь, и я прекрасно понимала, что скоро он меня просто сомнет на чистой физике.

Нужно было рисковать.

Когда его палаш в очередной раз легко рассек воздух в дюйме от моего плеча, я не стала разрывать дистанцию. Шагнула прямо вглубь его атаки, нырнула под замах и намертво вклинилась предплечьем в его гарду, одновременно вскидывая острие катаны прямо к его кадыку.

—Чистая работа, — глухо бросил он, опуская палаш.

Я отступила на шаг и плавным движением вернула катану за спину. Клинок мягко зафиксировался в устье ножен.

Офицеры переглянулись в повисшей тишине.

— Откуда такие навыки? — нахмурился командир Серой стражи. — В столице благородных девиц вроде вышиванию учат, а не фехтованию.

— Дома занималась, — ровно ответила я, стараясь не выдать сбитое дыхание. — Частные учителя.

— Для ближней разведки и работы в расщелинах самое то, — задумчиво протянул офицер Серой стражи. — Пока стрелки вяжут тварей дистанцией, она на такой скорости перережет всё, что прорвалось. Поставим в поисковую группу, поднатаскаем...

— Нет, — ледяной голос Адриана Вейна разрезал тишину зала.

Лорд-командор сделал шаг вперед, положив ладонь в черной перчатке на резные перила возвышения. Он на секунду задержал взгляд на планшете, а потом посмотрел на своих офицеров.

— У Волноломов месяц назад Разлом забрал шестерых. Некомплект первой линии нужно закрывать, это не моя прихоть. Устав отдает право заполнять недобор любым годным кадетом, вне зависимости от распределения по способностям. — Он перевел взгляд на меня, и на мгновение что-то дрогнуло в его лице, будто он и сам не был рад собственным словам. — К Волноломам. На первую линию.

В зале повисла мертвая тишина. Командир Волноломов опешил, округлив глаза:

— Эд, ты в своем уме? Хорошо, устав позволяет, но она же сдохнет в первом же нападении! Ей щит держать нечем, её переломит пополам!

Я сжала челюсти так, что зубы скрипнули.

Ах ты сволочь. Решил в утиль меня спустить?

Формально придраться не к чему. Некомплект действи-

тельно существовал, я и сама слышала краем уха разговоры караульных про потери в прошлом месяце. Устав позволял закрыть его любым кадетом. Вот только «любым» на практике означало «тем, от кого хочешь избавиться». И он выбрал меня.

В тяжелой пехоте первой линии меня либо выбьют на тренировках, либо размажет первая же тварь из Разлома. Расчет на то, что я сама попрошусь обратно к отцу уже через пару дней.

Райден нахмурился, повернувшись к другу:

— Эд, это бессмысленно. У нее техника на скорость и реакцию. В Серой страже от нее будет польза, а в первой линии...

— Я предупреждал вчера: никаких скидок на пол, титулы и комплекцию не будет, — отрезал Вейн, даже не взглянув на Райдена. Его холодный взгляд уперся прямо в меня. — Хотела служить в Чёрном Рифе? Будет служить там, где решило командование. Выполнять.

Он круто развернулся и вышел из зала, ни разу не оглянувшись.

Все присутствующие, включая старших офицеров, провожали Вейна взглядами, полными недоумения. За тяжелой створкой затихли твердые шаги, оставив после себя гулкую тишину.

— Я не понял, что это сейчас было? — пробасил командир Волноломов, растерянно обводя взглядом остальных.

— Без понятия, — хмуро отозвался Райден, качнув головой. В его глазах мелькнула досада, но открыто оспаривать приказ командующего при строе он не стал.

Я стояла смирно, не шевелясь, но внутри всё клокотало от ярости. Нет, дорогой, просто так ты от меня не избавишься. Хрен тебе, а не покорная дочка у папочки под крылом.

— Разрешите обратиться, командор? — четко, по-уставному произнесла я, глядя прямо на командира пехоты.

Тэрри у стены стоял ни жив ни мертв, глядя на меня круглыми глазами в полном ступоре. Парень явно считал, что меня только что приговорили к смертной казни.

Здоровяк перевел тяжелый взгляд на меня, нахмурив густые брови:

— Говори, Бельмонт.

— Не списывайте меня со счетов раньше времени, командор. Я не комнатная собачка и оружие в руках держать умею. В первой линии не всегда нужно давить массой, иногда решает скорость и точность. Я вам еще пригожусь.

Командир Волноломов замолчал, внимательно и цепко оглядывая меня с ног до головы, словно впервые увидел за хрупкой фигурой человека со стальным стержнем. В глубине его темных глаз мелькнуло подобие скупого профессионального интереса.

— Ладно, девочка, — медленно уронил он, скрипнув кожаными ремнями перевязи. — Посмотрим на тебя в деле. Слова ничего не стоят, на полигоне докажешь.

Райден выпрямился у перил и перехватил инициативу, возвращая смотру уставной порядок:

— Кадеты, поступаете в распоряжение командиров своих корпусов. Свободны. Всем разойтись.

Лорд-Каратель коротко кивнул офицерам и направился к боковому выходу из зала.

Я поймала растерянный взгляд Тэрри, коротко и ободряюще ему кивнула: мол, прорвемся, не хорони раньше времени. Парень с облегчением выдохнул и поспешил за своим офицером крылатых, а я развернулась и зашагала вслед за широченной спиной командира Волноломов, к которому теперь была приписана.

***

Дубовая дверь кабинета с глухим стуком захлопнулась, отрезая от шума коридоров. Райден прошёл следом за другом, не снимая перчаток, и скрестил руки на груди. Взгляд его синих глаз был колючим.

— Эд, ты вообще понимаешь, что отправляешь девчонку на верную смерть? — начал он без обиняков, нахмурившись. — Зачем, если ей можно найти нормальное применение в Страже? Что ты взъелся на неё?

Вейн обошёл массивный стол, сбросил планшет на бумаги и упёрся кулаками в полированное дерево. Желваки на его скулах ходили ходуном.

— Я хочу, чтобы она уехала домой, — глухо, с нажимом процедил Адриан. — Пусть сидит под присмотром отца, а не

путается здесь под ногами.

— Почему так категорично? — Райден шагнул ближе, недоуменно вскинув бровь. — Я не понимаю тебя. Это не первая девчонка в Чёрном Рифе. Не припомню, чтобы ты кого-то вот так же толкал под удар. Наоборот, всегда находил им более спокойные места. В штабе, в обозе, в ближней разведке, да хотя бы у стрелков. А тут ведёшь себя как мясник, Эд.

— Рай, не трави душу, — сквозь зубы бросил Вейн, отворачиваясь к узкому стрельчатому окну, за которым шумело серое море. — Мне и так тошно. Я хочу, чтобы она убралась отсюда. И точка.

— Адриан, — голос Райдена посуровел, в нём зазвучали стальные нотки. — Мы знакомы уже больше двенадцати лет. Я всегда тебя прикрывал, мы вместе через такое дерьмо прошли, что вспомнить страшно. Но сейчас я впервые тебя не узнаю. Ты хладнокровно подписываешь человеку смертный приговор просто на пустом месте. Ей всего восемнадцать, вся жизнь впереди. Ну хочет поиграть в солдатики, пусть играет! В Страже ей нашли бы толковое дело, ты сам видел, как она работает сталью. Зачем ломать её? Или это всё из-за ее отца? Ты Бельмонта на дух не переносишь, все это знают. Но при чём тут девчонка?

— Не лезь, — глухо процедил Адриан, глядя на бушующее неспокойное море. — Это моё дело.

— Эд, ты вроде взрослый мужик, — негромко произнёс

Райден. Он подошёл к столу почти вплотную, заставив Вейна поднять глаза:

— А теперь включи голову и подумай вот о чём. Что, если она не уедет? Если окажется слишком упрямой, выйдет за Стену, и в первой же вылазке тварь из Разлома переломит ей хребет пополам? Что тогда, Эд? Какие бы счеты ни связывали тебя с её отцом, как ты потом будешь договариваться со своей совестью? Как ты станешь жить с мыслью, что в свои тридцать четыре года ты, сильнейший маг и воин королевства, своими руками угробил восемнадцатилетнюю девчонку в сотни раз слабее тебя, только за то, что в её жилах течет кровь Бельмонтов?

Слова повисли в кабинете свинцовой тяжестью.

Вейн дёрнулся, словно от хлесткой пощёчины, но не нашёл что ответить. Воздух застрял у него в горле.

Райден не стал дожидаться оправданий. Он молча развернулся, скрипнув высокими сапогами, распахнул дверь и вышел вон, бросив друга наедине со своей желчью.

Когда защёлка замка тихо щёлкнула, Адриан медленно опустился на стул. Силы разом оставили его. Он с силой зажмурился и бессильно уронил голову на сложенные перед собой руки, уткнувшись лбом в холодное дерево стола.

Глава восьмая.

Я быстро шагала за командиром Волноломов, пытаясь подстроиться под его чеканящий шаг, но все равно приходилось практически семенить трусцой.

Командир шел молча, заложив руки за спину, и молча переваривал ситуацию. Наверное, размышлял о том, как дико ему со мной «повезло».

Да кто бы спорил. Волноломы — это тяжелая пехота, которая первой принимает на берегу накат тварей из Разлома. На них тяжелая боевая экипировка, ростовые щиты, пики и тяжелые клевцы. Один их шлем, наверное, весил раза в три больше моей головы. Задача Волноломов — максимально сдержать таранный удар тварей, которых пропустили водные драконы и добить их. Именно на них приходился основной ад на суше.

Тех тварей, что пытались обойти строй по флангам, выжигали огнем летающие. А юрких одиночек, проскочивших в скалы, методично добивала Серая стража, разведчики и застрельщики. Там все были быстрыми, легкими на подъем. По-хорошему, мне бы отправиться к ним, вот где от моей техники была бы реальная польза.

Но делать по хорошему Адриан Вейн явно не собирался.

Что он так въелся именно в меня, не пойму. Ну отправил бы к Страже и забыл. Так нет, он методично толкает меня к

уходу. Или к смерти… Не хотелось верить, что офицер, аристократ, человек, о котором с придыханием говорят здесь, так легко может распоряжаться чьей-то жизнью и смертью. Но с фактами не поспоришь.

Я вздохнула полной грудью. Сама влезла во все это, теперь придется разгребать, как-то налаживать отношения с ребятами и командованием, если я хочу еще пожить.

Может, надо было выйти замуж и отправить этого козла на тот свет в первую же брачную ночь?

Бррр. Я поежилась от собственных мыслей. Жестокость этого места уже накладывает свой отпечаток на мозги. Нет, убийство — это не выход. Это самый крайний случай, когда других вариантов просто не осталось.

Вдруг командир заговорил:

— Так, кадет, слушай сюда. Меня зовут Зоран Бранд. Обращаться по уставу:либо «командор», либо «капитан».

— Так точно, командор, — отозвалась я.

— Приказы Лорда-командора у нас не обсуждаются, и тебе не советую обсуждать их даже с самой собой, — сухо продолжал Бранд.

Мысли мои прочитал, что ли?

— Так что будем думать, что с тобой делать, — добавил он. — Мы сейчас идем в расположение Волноломов.

Мы вышли во внутренний перекрытый галереей двор. Защищенный от прямого обстрела с моря, он упирался в массивное, сумрачное трехэтажное здание из темно-серого кам-

ня. В отличие от казармы для поступающих, это здание выглядело каким-то грозным, от него буквально веяло опасностью и войной. Или просто тёмно-серый цвет вызывал такие ассоциации.

— Это наша казарма, — Бранд кивнул на массивные двери. — На первом этаже тренировочные залы, оружейная и технические помещения. Второй этаж полностью жилой, там стоят койки кадетов и рядовых. На третьем этаже мой кабинет, а также жилые помещения для техперсонала и офицеров, которые служат у нас постоянно, а не проходят обучение.

Он остановился перед входом, обернулся и мазнул по мне уставшим взглядом, в котором уже не было ни злобы, ни особых иллюзий.

— Выделим тебе комнату на третьем. Свободную офицерскую, подальше от общей казармы. Там должна быть отдельная уборная. Но никаких девчачьих покоев, все строго и по существу.

Я чуть приподняла бровь в удивлении. Признаться, я не рассчитывала на такие привилегии. Но Бранд опередил мой вопрос, отрезав еще до того, как я успела раскрыть рот:

— И не смотри на меня так, Бельмонт. Конечно, Лорд-командор ясно дал понять, что в Чёрном Рифе нет скидок на пол, но извини, ты у меня единственная баба во всем корпусе. А мне не нужны распри между составом. У меня здесь не аристократические салоны, чтобы церемониться. Парни

простые, крепкие и женщин давно не видавшие, так что не будем испытывать судьбу.

— Поняла, командор.

— Вот и отлично. Пошли, найдем тебе хоромы и разберемся с твоим снаряжением.

Бранд взялся за массивное железо кольца, потянул кованую створку на себя и отступил на шаг, пропуская меня вперед. Дверь подалась с глухим скрипом, впуская в прохладное нутро здания. Я шагнула через высокий порог, машинально поправляя лямку ножен с катаной за спиной, и поравнялась с капитаном.

— Командор, мне нужно будет еще забрать свои вещи из казармы для поступающих, — напомнила я, на ходу подтягивая ремень. — Я вчера получила обмундирование.

— Отлично, — Бранд подхватил створку, закрывая за нами дверь, и даже не замедлил шага, окинув коротким взглядом широкий холл первого этажа. — Как разберемся здесь со всем, так и заберешь. Твои пожитки никуда не убегут. Сейчас как раз перерыв, представлю тебя парням, а после обеда снова занятия.

По широкому каменному холлу первого этажа сновали кадеты Волноломов. Дюжие, широкоплечие парни, все как на подбор. Заметив капитана, они подтягивались, но при виде меня разговорчики мгновенно утихали. Разглядывали меня без стеснения: удивленно, с недоумением и изрядной долей скепсиса.

— Чего вылупились, кадеты? — рявкнул Бранд, даже не замедляя шага. — Коменданта ко мне! Общий сбор в главном зале через полчаса!

Парни мгновенно выпрямились, отчеканили «Есть!» и рассыпались по коридорам.

Навстречу нам из боковой каптерки уже спешил суховатый, седеющий ветеран с пышными усами, наверняка комендант.

— Командор? — ветеран вопросительно вскинул брови, мазнув по мне цепким взглядом.

— Берг, найди свободную комнату на третьем этаже.

Комендант на секунду застыл с полуоткрытым ртом, переведя взгляд с Бранда на меня. Впрочем, старая армейская выучка взяла свое: задавать вопросы капитану он не рискнул.

— Давайте пройдем ко мне и посмотрим, есть ли свободные.

В каптерке у коменданта мы остановились прямо в дверях. Комнатушка оказалась настолько маленькой, что туда едва помещались его рабочий стол да небольшой шкаф. Сдержанно хмыкнув в усы, ветеран полистал тяжелую книгу на столе, открыл дверцу шкафа и снял с гвоздика ключ.

— На третьем свободна триста пятая. Мебель на месте, а белье и одеяла надо будет взять на складе.

— Пойдет, — Бранд цапнул ключ и кивнул мне: — За мной, Бельмонт.

Мы поднялись по крутой винтовой лестнице на третий этаж. Гул кадетской казармы снизу мгновенно затих, уступая место тишине офицерского этажа. Бранд подошел к двери с номером «305», повернул ключ в замке и распахнул ее передо мной.

Вряд ли он устраивал подобные экскурсии для обычных новобранцев. Но я была искренне благодарна ему за этот жест. Я понимала, что он просто поступал как разумный, зрелый командир, который бережет порядок в своём подразделении и не бросает людей на растерзание толпе. Но на фоне холодного цинизма Вейна спокойная надежность Бранда ощущалась как настоящий глоток воздуха.

Я шагнула внутри и бегло осмотрелась.

Ну что ж... Жить можно. Ничего лишнего, чистая армейская лаконичность. У стены стояла узкая, но добротная кровать с плотно заправленным шерстяным одеялом, письменный стол из темного дерева, простой стул с высокой спиной и двухстворчатый шкаф для вещей. На полу темнел плотный, коротковорсовый ковер.

В углу выделялась узкая деревянная дверь. Я открыла её: внутри оказался малюсенький, но вполне удобный закуток. Простой унитаз, раковина и душевая лейка со стоком прямо в каменном полу. Своя вода в комнате — это роскошь, о которой в общей кадетской казарме можно было только мечтать.

— Обустраивайся, — Бранд скрестил руки на груди, опи-

раясь плечом о косяк. — Пятнадцать минут на то, чтобы привести себя в порядок и спускайся в общий зал на первом этаже.

Когда я спустилась на первый этаж и нашла общий зал Волноломов, он уже был забит народом. Около пятидесяти кадетов стояли в строгом строю. Разного возраста, от совсем молодых парней до хмурых переростков, но всех их объединяло одно: массивные плечи, бычьи шеи и тяжелые, привыкшие к доспехам фигуры.

Хм… Похоже, командор был недалек от правды, когда назвал меня комнатной собачкой.

При моем появлении по шеренгам прошел тихий ропот. Пятьдесят пар насмешливых глаз впились в меня одновременно.

Ну и, конечно же, учитывая мою «удачу» по жизни, среди них оказался тот самый верзила, который вчера со своими дружками пытался перекрыть мне дорогу. Завидев меня, скалистый детина сузил глаза, а его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. Наверное, ощущение от острого лезвия, приставленного к горлу, он запомнил надолго. Припомнит еще, как пить дать.

— Отставить разговорчики! — рявкнул Бранд, выходя на середину зала.

В зале мгновенно воцарилась натянутая как струна тишина. Капитан прошел вдоль строя, задержавшись перед бойцами, затем повернулся к ним лицом, заложив руки за спину.

— Внимание! — гаркнул Бранд, и его раскатистый голос эхом отскакивал от каменных стен. — Решением Лорда-командора к Волноломам распределен кадет Бельмонт.

Снова пробежал сдавленный шепоток, но Бранд тут же пресек его жестким взмахом руки.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Девчонка. Дворянка. Слишком маленькая и щуплая. Так вот, зарубите себе на носах: мне глубоко плевать, какого она пола, какая у нее фамилия и какая у неё комплекция. В моем подразделении нет женщин и мужчин. Есть Волноломы.

Бранд шагнул вплотную к строю.

— Мы — живая стена Чёрного Рифа, — его раскатистый голос, чеканя каждое слово, ударил в каменные своды. — Мы тот самый щит, о который разбивается первая, самая кровавая волна Разлома на берегу. Пока водные бьют с глубины, а крылатые жгут тварей с неба, именно Волноломы стоят по колено в грязи и костях, принимая на себя весь этот ад! Наша задача — стоять насмерть. Вгрызться в берег и не пропустить ни одну тварь вглубь королевства, за наши спины, к мирным городам и вашим домам!

Капитан замолчал на секунду, окинув бойцов мрачным взглядом. В зале встала такая тишина, что было слышно только гулкое дыхание полусотни мужчин.

— В нашем строю нет места гордыне, нет места дедовщине и глупым обидам. Каждая павеза, каждый щит — это жизнь соседа справа и слева. Сломается одно звено — со-

жрут весь строй! Кости переломают и не заметят! Не зависимо от того, мужчина это или женщина, простолюдин или аристократ, богатый или бедный, тварям глубоко на это наплевать. Здесь есть только те, кто держит оборону.

Бранд резко развернулся и указал на меня тяжелой ладонью:

— Кадету Бельмонт тоже найдется место в нашей стене. Потянет норматив, докажет, что не сдуется при виде первой же панцирной твари, будет прикрывать ваши спины, а вы её. Пойдет за вас в огонь, как и каждый из присутствующих. Не потянет, то сдохнет или вылетит из Чёрного Рифа быстрее, чем успеет понять, что произошло. Но пока она в моем подразделении — она часть монолита. Вы меня услышали, Волноломы?

— Так точно, командор! — в один голос рявкнул строй, и от этого гулкого выкрика задрожали массивные оконные рамы зала.

Ух, какой мужик.

Глава девятая

Обед в огромной общей столовой Чёрного Рифа проходил под привычный гул сотен голосов. Столовая была единой для всей цитадели: в высоком зале под каменными сводами за длинными рядами дубовых столов параллельно сидели и Буревестники, и Волноломы, и Стража, и Морские Драгуны. За отдельными столами обедали офицеры и служащие гарнизона. Для высшего же командования за резной деревянной ширмой обустроили небольшой отдельный зал. Еду им приносили прямо туда, избавляя от необходимости стоять в общей очереди на раздаче.

Наш корпус Волноломов занимал сразу несколько длинных столов, разделившись человек по десять или пятнадцать, скорее всего по возрасту и опыту. Мой конвой, первая десятина, которой Бранд поручил проводить меня до столовой и всё показать, состояла из самых рослых и, видимо, бывалых ветеранов корпуса. Парням было лет по двадцать пять или двадцать семь, и они явно уже не были новичками. Набрав еды на раздаче, мы опустились за ближайший стол с краю. Меня молча двинули в середину скамьи, зажав между Здоровяком и хмурым Бородачом. Я всё еще не знала, как их зовут, со мной никто не разговаривал. За соседними столами расположились остальные: отдельной шумной кучкой

уселся безусый молодняк, а чуть дальше степенно обедали середнячки.

Парни из моей десятины ели молча, методично работая ложками и лишь изредка бросая на меня косые, изучающие взгляды. Речь Бранда явно упала на благодатную почву. В их глазах больше не было того насмешливого блеска, с которым они смотрели на меня утром. Теперь во взглядах читалась задумчивость.

Командор доходчиво объяснил им диспозицию: я теперь часть их строя. А для тяжелой пехоты строй — это религия. Выбросить слабое звено они не имели права по уставу, значит, им предстояло понять, как со мной, такой щуплой и мелкой, выжить и не дать тварям прорвать линию обороны.

После обеда прозвучал горн, созывающий кадетов всех корпусов на теоретические занятия.

Учебный корпус в Чёрном Рифе также был один на весь гарнизон. Огромное здание с высокими арочными потолками и широкими лестницами, где пересекались все потоки.

Я вышла из столовой и молча пристроилась в хвост колонны Волноломов. Шла тихо, как тень, стараясь слиться с серыми стенами и не привлекать внимания. Парни не обращали на меня внимания, привычно перестраиваясь в походный порядок.

В столовой меня никто не задирал, но я не обманывалась. Молчали лишь потому, что там было полно офицеров, и вряд ли кто-то захотел бы навлечь на себя наказание.

Но стоило нам ступить в переполненные коридоры учебного корпуса, как атмосфера резко изменилась.

Коридоры гудели, как растревоженный улей. Сотни кадетов с нашивками разных подразделений — надменные Буревестники, юркие бойцы Серой стражи, крепкие Морские Драгуны — текли сплошным потоком из одной аудитории в другую. И, естественно, появление новой девчонки в этом море тестостерона не могло остаться незамеченным.

— Эй, крошка! Ты заблудилась? Кухня в другом крыле! — хохотнул кто-то из толпы Стражей.

— Какие глазки! А ну-ка, покажи личико поближе! — Резкий, заливистый свист резанул по ушам.

— Слышь, малышка, вечером приходи в казарму летунов, мы тебе покажем, как драконов приручать!

Со всех сторон летели сальные шутки, смешки и откровенные оклики. Несколько Буревестников даже попытались отделиться от стены, чтобы перегородить нам дорогу и поближе рассмотреть столичную диковинку. Я внутренне подобралась, готовая в любой момент выхватить катану, если понадобится.

И тут произошло то, чего я никак не ожидала.

Тот самый Здоровяк с перебитым носом, которому я вчера приставила катану к горлу, вдруг чуть замедлил шаг. Он не сказал ни слова, даже не повернул головы в мою сторону. Просто сдвинулся на полшага вправо. Шедший слева от меня хмурый Бородач синхронно шагнул ближе ко мне. Двое пар-

ней, замыкающих строй, ускорились и встали плотнее, дыша мне прямо в затылок. Еще один тяжеловес выдвинулся вперед, закрывая обзор своими необъятными плечами.

Я моргнуть не успела, как оказалась внутри плотной стены из мышц и черного сукна. Они технично, словно отрабатывали это тысячу раз, взяли меня в «коробочку». Никто из них не орал в ответ на провокации, они просто молча закрыли меня ото всех.

Буревестник, хотевший преградить мне путь, внезапно уткнулся носом в широченную грудь Здоровяка.

— Дорогу, — глухо рыкнул Волнолом, глядя на летчика немигающим взглядом исподлобья.

Свист и выкрики со стороны Стражей и Буревестников начали быстро стихать. Одно дело подкатывать к девчонке-одиночке, и совсем другое — лезть на ощетинившуюся монолитную фалангу тяжелой пехоты, которая славилась тем, что в рукопашной легко размазывала по стенке кого угодно. Желающих связываться с Волноломами не имелось. Кадеты из других корпусов спешно отступали в стороны, освобождая нам проход.

Я шла в самом центре этой двигающейся крепости, окруженная запахом кожи и оружейной стали, и чувствовала, как внутри тугим комком сворачивается нечто, похожее на благодарность.

Они со мной так и не заговорили. Они даже не посмотрели на меня. Но для них я уже была частью строя. Их командир

приказал — они выполнили.

Почему-то захотелось плакать. В конце концов, я девочка, мне можно. Но, быстро взяв себя в руки, я просто постаралась не отставать от парней.

В просторную аудиторию, напоминающую наши земные университетские лекционные залы, мы вошли всё тем же единым составом. Волноломы начали занимать средние ряды. Вдруг у кафедры раздался знакомый бархатный голос:

— Волноломы, проходите, садитесь. О, кадет Бельмонт, и вы здесь!

Я посмотрела на кафедру. Там стоял сам Лорд-Каратель. Райден Эверхарт сбросил тяжелый чешуйчатый плащ, оставшись в строгом черном кителе, подчеркивающем широкие плечи и поджарую фигуру. Он окинул меня теплым взглядом, белозубо улыбнулся и чуть кивнул в сторону второго ряда:

— Садитесь ближе, кадет. Сегодня тема как раз по вашей части.

Парни из моего отряда переглянулись. Здоровяк сел с краю, Бородач плюхнулся рядом, а мне молча уступили место прямо напротив лекторской трибуны. Прикрыли, но дали возможность видеть всё.

Шум в зале стих. Райден легко взбежал на небольшое возвышение и оперся ладонями о кафедру, окинув аудиторию цепким взглядом.

— Сегодня уделим внимание защитной тактике первой

линии. Всем будет полезно: несмотря на то, в каком корпусе вы служите, вы должны понимать общие принципы каждого подразделения. На этом строится защита всего Чёрного Рифа. Только ваша слаженная работа позволит нам и дальше защищать королевство от тварей глубинного Разлома.

Райден Эверхарт обвёл взглядом аудиторию и продолжил:

— Базовые построения и стандарты работы павезами вы все прекрасно знаете, — его уверенный голос мгновенно заполнил всё пространство. — Разбирать то, что у вас и так от зубов отскакивает, мы сегодня не будем. Поговорим о конкретной проблеме, с которой в прошлый прорыв столкнулись Волноломы.

Он взял мел и быстрыми, точными штрихами набросал схему сцепки щитов.

— В прошлый раз на стыке второго и третьего звена образовался затор. Твари среднего эшелона не таранят строй насмерть, они повисают на верхнем крае павез. Вы все знаете решение, которому вас учили: удерживать щит обеими руками и ждать, пока вторая линия достанет клевцами. Но на практике вышло следующее: пикинерам сзади не хватило угла атаки, а щитоносцы, чтобы не дать зверю перевалить через голову, начали бросать левый упор и хвататься за собственные клинки. Итог? Строй потерял плотность, образовалась щель, и за три секунды у нас двое раненых.

Он бросил мел на трибуну и скрестил руки на груди:

— Вопрос к вам: какое решение вы видите, чтобы щито-

носцы не бросали упор павезы, когда тварь уже навалилась сверху?

Зал притих. Парни задумались, вспоминая реальную давку на полигоне. Кто-то предложил усилить вторую линию длинными баграми, кто-то — отшагивать всем звеном назад, но Райден лишь качал головой: отшагивание разрушало общую фалангу.

Я внимательно смотрела на его схему и, покрутив в пальцах карандаш, подняла руку.

— Разрешите, Лорд-Каратель? — негромко спросила я.

Райден чуть удивленно вскинул бровь, но улыбнулся:

— Слушаю вас, кадет Бельмонт.

— А почему... почему нельзя просто сделать короткий сдвиг щита в сторону, буквально на полшага, и сбить тварь коротким ударом сталью снизу? — честно спросила я. — Ну, пока она висит на верхнем крае и цепляется за павезу. Зачем бросать тяжелый щит и выхватывать клинок, если можно просто сбить её точечным уколом снизу прямо из образовавшейся щели?

По залу прошел легкий смешок кадетов из других корпусов. Мой вопрос явно показался им слишком простым и житейским.

Райден не стал смеяться. Он качнул головой и пояснил спокойным тоном преподавателя:

— Схема логичная, кадет, и на бумаге выглядит просто. Но на практике есть причина, почему мы так не делаем. У

Волноломов все парни крупные, в тяжелой защитной броне. Если Волнолом попытается выскочить в такой узкий зазор, он со своей массой, широкими наплечниками и щитом просто застрянет. Он заблокирует сам себя, потеряет устойчивость, и прорвавшаяся тварь его подомнёт. Чтобы работать в таком зазоре, нужен кто-то скоростной и без тяжелого снаряжения, тот, кто успеет нанести укол и убраться обратно до того, как щиты смыкаются.

— А может…

— Сразу отвечу на ваш невысказанный вопрос, — мягко перебил Райден. — Никого из Серой Стражи отправлять к Волноломам мы не можем. Серая Стража — это разведка, застрельщики, следопыты. У них другая психология и другая выучка. Стражник привык к простору скал и широкому уклону. В плотной давке строя, зажатый павезами, он потеряет скорость и станет обузой.

Он развел руками, показывая тупиковость ситуации.

«Понятно, — подумала я про себя. — То есть поставить к Волноломам кого-то из Стражи — это всё равно что засунуть снайпера в первую линию ОМОНа».

— Извините, Лорд-Каратель, но я не об этом.

— Тогда задайте свой вопрос, кадет.

Я помолчала пару секунд, переводя взгляд со схемы на свои ладони, а затем выдохнула:

— Ну... во мне килограмм пятьдесят веса, не больше. Экипировку тяжелой пехоты в половину моего веса я просто

не подниму, меня под ней раздавит. Зато я неплохо управляюсь с клинком и двигаюсь быстро. Почему бы мне не попробовать?

В аудитории настала абсолютная, гробовая тишина. Смешки Буревестников мгновенно утихли.

Райден замер. Он медленно перевел взгляд на меня, на мою тонкую фигуру, и на его лице явственно проявилась задумчивость.

— Вы хотите встать в зазор перед павезами?.. — тихо переспросил он. — Бельмонт, вы вообще понимаете, какой это риск?

— Лорд-Командор ясно дал понять, что я должна служить там, куда распределило командование, — ровно ответила я. — Я просто пытаюсь быть полезной.

В образовавшейся тишине где-то с задних рядов четкий женский голос громко произнес:

— И совсем она не курица, идиот.

Аудитория взорвалась хохотом. Ага, где-то здесь среди кадетов сидит еще как минимум одна девушка. Не мешало бы познакомиться.

Лорд-Каратель резким жестом поднял руку:

— Тишина!

Кадеты разом замолчали, смешки мгновенно сдулись под его немигающим взглядом. Райден медленно спустился с кафедры. Каждое его движение отличалось гибкой грацией уверенного в себе хищника. Широкий разворот плеч, цеп-

кий синий взгляд.

«Хорош, зараза, — вынуждена была признать я, невольно оценив его выправку. — С таким глаз да глаз нужен».

Он остановился у первого ряда, прямо напротив нашей десятины, и оперся бедром о край стола, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Вообще-то, изначально я хотел объяснить теорию перекрестного перехвата при удержании щитов. Но раз мы начали говорить о предложении кадета Бельмонт, то возникает вопрос. Вы понимаете, что если вы не успеете отскочить обратно, вас просто размажет о щиты? Или тварь, или свои же парни.

Здоровяк с перебитым носом, сидевший рядом со мной, тяжело вздохнул, оперся мозолистыми ладонями о колени и неожиданно пробасил на всю аудиторию, глядя на Лорда-Карателя:

— Не размажем, Лорд-Каратель. Мы её прикроем. Если Мелочь не боится лезть в щель, пусть пробует. Нам же легче будет.

Похоже, я обзавелась новым прозвищем.

Райден окинул нас взглядом, и на его губах расплылась широкая улыбка. Он повернулся к доске и размашисто перечеркнул прежнюю схему:

— Так уж и быть. Вот это мы завтра и проверим на полигоне. Значит так, Волноломы! Завтра на практических занятиях отрабатываем ровно два элемента: во-первых, синхрон-

ную микро-раздвижку второй и третьей павезы по голосовому сигналу без потери общего упора строя. Во-вторых, отход застрельщика до полного смыкания щитов.

Он повернулся ко мне, и его синие глаза азартно блеснули:

— Лично приду проверить этот ваш эксперимент, кадет Бельмонт. Посмотрим, как вы сработаетесь на поле. Не разочаруйте меня! А теперь идем дальше…

Глава десятая.

Вещи из казармы для поступающих я забрала сразу после занятий. Всё полученное вместе с Тэрри обмундирование так и лежало на моей койке, никем не тронутое. В казарме было пусто, новых поступающих за эти дни так и не появилось.

Тэрри сидел на своей койке спиной к двери и увлечённо разбирал выданный комплект. Рядом лежал новый плащ с нашивкой в виде дракона.

— Забираешь? — он не обернулся, но по голосу было понятно, что он меня ждал.

— Забираю. Меня поселили в отдельной каморке на офицерском этаже у Волноломов.

— Везёт, — Тэрри наконец повернулся. Глаза у него светились таким азартом, что невольно захотелось улыбнуться. — Меня завтра утром ведут знакомиться с драконом. Представляешь? С настоящим!

— Не сожги себе голову раньше времени, — не удержалась я.

— Не сожгу, — он улыбнулся, но тут же посерьёзнел. — А ты… Дара, мне эта история с Вейном что-то не нравится. Он вёл себя так, будто ты ему что-то должна. Или зуб на тебя точит.

— Я тоже заметила, — пожала я плечами.

А что тут ещё скажешь? Понятия не имею, почему Вейн взъелся на меня, но то, что он хотел побыстрее сплавить меня с глаз долой — это точно.

— Если что, сразу скажи. Мы вместе обязательно что-нибудь придумаем.

Я хмыкнула и, повинуясь внезапному порыву, быстро хлопнула его по плечу:

— Береги себя, летун.

На этом мы и расстались. Без объятий и слёз, как и полагается двум кадетам. Думаю, мы ещё пересечёмся не раз: всё-таки гарнизон один, пусть и корпуса разные.

Взвалив мешок с обмундированием на плечо, я отправилась к себе.

Вернувшись в комнату, я заперла дверь на ключ, привалилась к ней спиной и впервые за два дня позволила себе глубоко выдохнуть. Затем стянула куртку, рубаху и принялась разматывать плотную ткань на груди. Полотно держалось так намертво, что узел пришлось распутывать почти минуту. Когда последний виток упал на пол, я вдохнула полной грудью и едва не застонала от облегчения. Рёбра неприятно ныли, а на коже остался багровый след.

Ох, как же мало человеку надо для счастья! Я вспомнила, как дома после работы первым делом стягивала бюстгальтер, и невольно улыбнулась. Миры разные, а мелкие женские радости везде одинаковые.

Здесь, в отличие от казармы для поступающих, была го-

рячая вода. Блаженство!

Я стояла под горячими струями, закусив губу, и смотрела, как вода уходит в сток тёмными ручейками, смывая пыль, пот и каменную крошку последних дней. Толком искупаться с самого побега мне так и не удавалось — короткие обтирания в ледяной речке не в счёт. А в общей казарме душа не было вовсе, поэтому и приходилось всё это время ходить как есть, лишь слегка освежаясь мокрой тряпицей.

Выйдя из душа и натянув чистую сменную одежду, я решила осмотреть свои повреждения. Запястье распухло, посинело, но шевелилось. Голеностоп выглядел не так плохо, но тоже чуть распух. Значит, завтра на полигоне придётся тянуть на зубах.

Я как раз затягивала повязку, когда в дверь постучали. Тихо, два раза.

Я схватила катану и, не выпуская ножен из рук, спросила:

— Кто?

— Свои, — донёсся из-за двери негромкий женский голос. — Открывай, пока никто не увидел, а то снова шуточек не оберёмся.

Я приоткрыла дверь. На пороге стояла темноволосая девушка в форме с нашивкой Серой стражи, с короткой стрижкой и острым, внимательным взглядом. На вид она была чуть старше меня теперешней. В руках она держала небольшой свёрток.

— Лиара, — представилась она, окинув меня взглядом с

головы до ног. — Извини за курицу. Можно?

Я отступила, пропуская её в комнату.

Лиара прошла внутрь так, будто бывала здесь не раз, огляделась и присвистнула:

— Ого. Отдельная уборная! Бранд тебя балует.

— Он просто не хочет проблем.

— Он умный мужик, потому и не хочет, — она положила свёрток на стол. — Держи. Мазь от ушибов, местная лекарка делает, толк есть. Я видела, что ты прихрамываешь, а ребята рассказывали, что на отборе ты нашего рукопашника уронила. Наверняка руку потянула.

Лиара хихикнула, прикрывая рот ладошкой:

— Представляю, как он охренел! Да, и вот бинты нормальные, а то ваши полотняные только кожу рвут. Грудь лучше утягивать вот так, не слишком туго, чтобы дышать можно было. Давай покажу.

Я растерянно смотрела, как она разворачивает свёрток.

— Зачем ты это делаешь?

— Затем, что мне в первый год никто не помог. Было тяжело, — Лиара пожала плечами, но в голосе проскользнула сухая усмешка. — Нас в Чёрном Рифе всего десять человек из двух сотен. Я не считаю работниц, только кадетов. Но ты одна у Волноломов. Есть ещё наездницы летающих и водных, но большая часть в Серой страже, мы застрельщики. Так что выживи завтра: Райден Эверхарт не из тех, кто забывает обещания.

Я усмехнулась:

— Ставите ставки?

— Ещё бы! Идея пихнуть щуплую девчонку в щель между павезами — это что-то новенькое. — Лиара прищурилась. — Это была твоя идея или просто вырвалось?

— Вырвалось, — честно призналась я.

— Ну, теперь уже не отвертеться, придётся доводить до конца.

— Спасибо, Лиара. Мне действительно очень приятно. Я думала, меня не примут, будут гнобить...

— Дара, ну не мужиков же нам тут делить! — Лиара тихо рассмеялась. — Тут их завались, всем хватит.

И я не удержалась и рассмеялась вместе с ней.

Горн в этот раз я встретила уже на ногах.

Ночью я спала плохо: ныли запястье и голеностоп, а в голове крутилась одна и та же картинка, как я протискиваюсь между двумя тяжёлыми павезами, а те смыкаются прямо перед носом. Мазь Лиары к утру немного помогла: отёк спал, и я смогла без боли сжать пальцы. Грудь утянула так, как она показала, не туго и под рёбрами, и впервые за три недели полноценно вдохнула.

Лишнего времени не оставалось. Форма, ремни, сапоги для полигона, катана. Волосы я кое-как стянула шнурком, потому что распущенные лезли в глаза. Короткие пряди всё равно выбивались и торчали, как у ощипанного воробья.

В столовую спустилась вместе с первыми кадетами. Вол-

ноломы уже сидели за своим столом, и при моём появлении разговоры стихли. Я поставила поднос на свободное место с краю, готовясь или к очередной порции шуточек, или к гнетущему молчанию.

Но не угадала.

Здоровяк, тот самый, с перебитым носом, молча ковырял кашу. Потом отодвинул миску, поднял на меня глаза и неловко прокашлялся:

— Слышь… Бельмонт.

Я замерла с ложкой на полпути ко рту.

— Ты это… извини за тот случай, — выдавил он, глядя куда-то в район моего плеча. — Ну, мы дураками бываем, границы просто хотели прощупать. Новенькая, да ещё такая симпатичная… Ну, ты поняла. Не по-людски вышло.

За столом стало тихо. Бородач слева от него демонстративно уставился в кружку, но уши у него заметно порозовели.

Я медленно опустила ложку.

— Принято, — сказала я. — Только руку к чужому оружию больше не тяни.

— Одного раза хватило, — буркнул он и вдруг неожиданно усмехнулся. — Горло до сих пор чешется. Киран меня зовут. Это, — он кивнул на бородача, — Торн. Он у нас молчун, но свой в доску. Остальных по ходу запомнишь.

Торн кивнул, не отрываясь от кружки.

— Дарианна, — ответила я. — Можно Дара.

— Мелочь тебе больше идёт, — хмыкнул Киран, и по столу прокатился сдержанный смешок.

Я закатила глаза, но возражать не стала. Мелочь так Мелочь. Бывали прозвища и похуже.

Завтрак закончился быстро: каша, хлеб, яйцо, отвар. Пока остальные доедали, Торн молча придвинул ко мне свою горбушку с куском сыра. Я удивлённо подняла брови. Он только пожал плечами:

— Тощая что-то слишком. Ешь.

Что ж, и это уже было началом.

Полигон Волноломов раскинулся на дальнем краю цитадели, у самой кромки скал. Его построили так, чтобы он повторял настоящий берег: песок вперемешку с галькой, крупные валуны, выступающие из земли острыми гребнями, ямы с водой по щиколотку, спуски и подъёмы. Местами камни поросли скользким тёмным мхом. Посреди всего этого стояли ряды деревянных чучел, выкрашенных в иссиня-чёрный цвет, и несколько огромных щитов-павез на стойках.

Над головой гулко хлопали крылья. Я задрала голову. Три Буревестника шли на низкой высоте над скалами, и их драконы казались чёрными росчерками на фоне бледного неба. Длинные кожистые крылья, мощные хвосты. Один дракон резко вильнул, и сверху донёсся короткий хрипловатый рёв, от которого у меня зазвенело в ушах. Где-то среди этих всадников, возможно, уже учился летать Тэрри.

Справа, за невысокой каменной стеной, находилось стрел-

ковое поле Серой стражи. Оттуда отчётливо доносились сухие щелчки арбалетов и свист болтов. Кто-то разминался на турниках, кто-то отрабатывал быстрые переходы между мишенями. Мелькнула знакомая тёмная стрижка. Лиара, не прерывая тренировки, махнула мне рукой. Я незаметно кивнула в ответ.

— Строиться! — рявкнул Бранд.

Мы выстроились на песке тремя шеренгами. Парни разобрали павезы — высокие, в человеческий рост щиты, обитые железом. Я мельком прикинула вес: килограммов двадцать, не меньше. Вот почему они здесь все как медведи.

Командир прошёл вдоль строя и остановился напротив меня.

— Бельмонт, ты пока не в строю. Встаёшь позади третьей линии, смотришь, запоминаешь порядок. Потом выйдешь.

— Так точно, командор.

На полигон вышел Райден Эверхарт. Без чешуйчатого плаща, в тёмном кителе с закатанными рукавами. Он окинул нас лёгким, весёлым взглядом, и несколько парней невольно выпрямились сильнее.

— Доброе утро, Волноломы, — бодро сказал он. — Как договаривались, отрабатываем два элемента. Раздвижка второй и третьей павезы по сигналу без потери упора и отход застрельщика до смыкания щитов. Сегодня без тварей. Сначала поработаем вхолостую. Через день-два перейдём в загон, выпустим пару-тройку живых, посмотрим, как это вы-

глядит в реальности.

Он кивнул Бранду:

— Командуй.

Первый час я только смотрела.

Парни вставали в линию плечом к плечу, ставили павезы в упор и по команде командора переходили из позиции в позицию. Всё это выглядело как огромный механизм, и каждый в нём был шестерёнкой. Когда Бранд рявкал «Разойдись!», вторая и третья павеза расходились ровно на ширину плеча, оставляя узкий зазор. Через две секунды звучало «Стена!», щиты вставали на место, а строй без единого шороха возвращался в прежнюю плотность.

— Раз, два… стена! — отсчитывал Торн, стоявший в третьей линии.

На шестой или седьмой попытке получилось чисто. Райден удовлетворённо кивнул:

— Вот теперь можно её выставить.

Я выдохнула и шагнула вперёд.

Меня поставили за спиной щитоносцев, и очень быстро выяснилось, что узко здесь не значит просто узко. Зазор между павезами получался шириной в полторы ладони, не больше. Проскочить боком получалось, но стоило хоть на миг замешкаться, и щиты с глухим стуком сходились, зажимая воздух там, где мгновение назад была я.

На первой попытке я чуть не оставила в этом зазоре половину куртки.

— Быстрее! — крикнул Райден с края поля. — Ты не черепаха, в конце концов! Укол и назад!

Вторая попытка. Третья. Я входила в щель плечом вперёд, имитировала удар катаной по чучелу, висящему на верхней кромке щита, и тут же отшатывалась назад, как только слышала «Стена!». На четвёртый раз у меня получилось. На пятый вышло плохо: нога скользнула на мокром камне, я с размаху врезалась боком в павезу, и воздух вышибло из лёгких.

— Живая? — глухо спросил Киран, не поворачивая головы.

— Живая, — прохрипела я.

— Хорошо. Ещё не закончили.

Дальше потекло одно сплошное повторение. Укол, назад, укол, назад. Скорость нарастала, паузы сокращались. Парни перестали коситься и, кажется, начали подстраиваться под мой ритм: Киран стал раздвигать щит чуть шире на моей стороне, Торн заранее сдвигал плечо, расчищая отход. Мы не разговаривали. Строй сам учился работать с лишним звеном.

К концу второго часа я уже еле стояла. Руки дрожали, а пот заливал глаза так, что приходилось смаргивать каждые несколько секунд. Правое запястье, пережившее бросок, снова налилось горячей болью. Голеностоп отзывался при каждом шаге.

— Стоп! — наконец крикнул Бранд. — Десять минут! Молодец, Бельмонт, уже лучше.

Я отошла на пару шагов от строя, упёрлась ладонями в колени и несколько раз глубоко вдохнула. В ушах гудело. Сердце колотилось где-то в горле. Я выпрямилась, пытаясь привести дыхание в порядок, и взглянула в сторону трибуны.

И замерла.

У каменного парапета, рядом с Райденом, неподвижно стоял Лорд-Командор Адриан Вейн. Руки за спиной, чёрный мундир без единой складки, тяжёлый, нечитаемый взгляд. Он возвышался над полем, как скала над берегом.

Не знаю, сколько он там пробыл. Может, всё время. Может, пришёл минуту назад.

Но смотрел он прямо на меня.

***

Адриан стоял у парапета и смотрел, как дочь Бельмонта в очередной раз влетает в щель между щитами.

Тонкая фигурка в просторной форме. Движения выверены до сантиметра: нырок, выпад, отход. Ни одного лишнего жеста. Она двигалась так, будто эта щель была её естественной средой.

Он понимал, что идея была её. Райден только подхватил. И, надо признать, идея была хороша. Лучше, чем всё, что он сам мог бы предложить. Там, где Волноломы с их массой упирались в тупик, эта девчонка нашла лазейку. Находчивая. Слишком находчивая.

«Значит, не уйдёт», — подумал он с мрачной ясностью. — «Она не просто упрямая. Она пойдёт за Стену и будет

рубить тварей».

Можно было бы прямо сейчас приказать перевести её в Серую стражу, пока не поздно. Но после вчерашнего перед офицерами это выглядело бы как минимум глупо. Он только что поставил её в первую линию на глазах у всего командного состава. Теперь отыграть назад значило показать, что решение было сделано сгоряча и без причины. Лорд-Командор себе такого позволить не мог.

А причину он не мог назвать никому. Даже Райдену.

Рядом негромко переговаривались офицеры. Райден время от времени подавал голос с края площадки, что-то объяснял Бранду, жестикулировал, показывая, как правильнее ставить опорную ногу. Потом закончил и подошёл к Адриану, встал рядом и скрестил руки на груди.

— Ну, вроде получается, Эд, — сказал он, не сводя глаз с поля. — Для первого дня очень даже.

— Присмотри за ней, Рай, — тихо произнёс Адриан.

Райден повернул голову и усмехнулся уголком рта:

— Девчонка явно собралась за Стену. Я же говорил тебе.

— Упрямая.

— Ну так в кого бы ей быть другой? — беззлобно хмыкнул Райден.

Адриан промолчал. Он смотрел, как она выпрямляется, отдышавшись, как неожиданно поворачивает голову и встречается с ним взглядом через всё поле. Даже на таком расстоянии он видел, как она напряглась. Но не отвела глаз.

Ладно. Что теперь.

Если ей суждено идти за Стену, значит, она пойдёт хотя бы экипированной. Железо не для неё: под тяжёлым нагрудником она не продержится и часа, да и в щели между павезами в нём не развернуться. А вот кожа глубинных тварей прочнее иной стали и при этом почти ничего не весит. Гарнизон не бедствовал, на складах лежало всё, что только могло понадобиться бойцу. Что-нибудь подходящее по размеру там непременно найдётся.

— Экипировать её надо как следует, — Он резко развернулся и бросил через плечо: — Пойду распоряжусь.

Райден проводил его долгим взглядом, но промолчал.

АКТ II. СТАНОВЛЕНИЕ.
Глава одиннадцатая.

На следующее утро я окончательно убедилась, что человеческое тело обладает удивительной способностью припоминать своему владельцу каждую глупость, совершённую накануне. Причём не сразу, когда кровь ещё гуляет по венам после тренировки, а ты на одном упрямстве носишься между тяжёлыми щитами и доказываешь окружающим, что совершенно зря они заранее записали тебя в покойники. Нет, расплата приходит утром, когда пытаешься перевернуться на другой бок и понимаешь, что болят даже те мышцы, о существовании которых ты до этого не подозревала.

Как закончился вчерашний день, я помнила смутно. После полигона вро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.